

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР
Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова,
В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

№ 8 (787) 10 февраля 1939 г., пятница Цена 30 коп.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПЕРЕД ЧИТАТЕЛЕМ

Десять дней тому назад сто семидесят два советских писателя были награждены орденами Союза ССР. В этом акте выразилось огромное доверие народа к работникам художественного слова, высокая оценка той работы, которую осуществляют литераторы, ее значение для нашей страны.

Седьмого февраля председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин вручил ордена участникам боев в районе озера Хасан, советским писателям, рабочим и инженерно-техническим работникам завода имени Калинина и другим награжденным. На снимке: группа награжденных орденами Союза советских писателей с тов. М. И. Калининым. Слева направо: С. В. Михалков, М. Ильин, С. Я. Маршак, А. Барто, М. И. Калинин, А. Н. Толстой, М. И. Алигер, К. М. Симонов и Е. А. Долматовский.

В КРЕМЛЕ

Во многих рассказах, стихах, пьесах современных писателей нашей страны есть строки, страницы или сцены, рассказывающие о том, как героя приглашают в Кремль, чтоб вручить ему заслуженную награду. И понятие Литература не могла пройти мимо такого глубоко значительного явления, полного великого исторического смысла, как труд, венчаемый высшей государственной славой.

Теперь нам самим было дано пережить, пережить и осмыслить то, что мы с большей или меньшей удачей описывали, рассказывали о самых священных минутах в жизни наших героев. Казалось бы, что теперь, в собственном сердце испытая эту радость, уже не трудно будет описать памятные минуты... Но на самом деле это оказалось дьявольски трудным!

В литературном календаре день 1 февраля, когда был опубликован Указ Президиума Верховного Совета о награждении писателей, останется, как день праздничной и торжественной для всей советской литературы. Писатели, писательницы, писатели и писательницы, прошедшие в 1 февраля по 7-е, и 7-го, в завершение этой чудесной недели нашей жизни, мы были приглашены в Кремль, чтоб лично в свои руки принять награду.

К 12 часам дня мы собрались у пропускной будки, что вышло от ворот Спасской башни. Рядом с нами стояли группы детей, поручиков и бойцов Красной Армии. Нам предстояло получить награду вместе с этими сдержанно-праздничными, спокойными и степенными людьми. Никогда с таким нетерпением не поглядывали мы на большие золоченые стрелки часов Спасской башни. Синеватая, каменная книга отделила осязала на наши воротники, на ворс красноармейских шинелей. К Кремлю подошли из разных концов взволнованные люди. Инженеры, рабочие, шахтеры. Их фамилии мы все невольно читали в указах Президиума Верховного Совета. Стахановцы, горняки, изобретатели, инженеры, награжденные за особые заслуги.

Как изменился крестьянин, совсем недавно еще невежественный, приученный к рабской зависимости, имевший же души — всплохотуемого человека и мелкого собственника. Теперь это — коллективный хозяин своего артельного имущества, своих золотых доходов, ни перек кем не гнуший голову, не дающий шансу, не ожидающий, что «вот придет барин, барин нас раскудет».

Всплохотуемого человека и мелкого собственника. Теперь это — коллективный хозяин своего артельного имущества, своих золотых доходов, ни перек кем не гнуший голову, не дающий шансу, не ожидающий, что «вот придет барин, барин нас раскудет».

Всплохотуемого человека и мелкого собственника. Теперь это — коллективный хозяин своего артельного имущества, своих золотых доходов, ни перек кем не гнуший голову, не дающий шансу, не ожидающий, что «вот придет барин, барин нас раскудет».

Всплохотуемого человека и мелкого собственника. Теперь это — коллективный хозяин своего артельного имущества, своих золотых доходов, ни перек кем не гнуший голову, не дающий шансу, не ожидающий, что «вот придет барин, барин нас раскудет».

И, наконец, совсем другой стала интеллигенция, только теперь народная, живущая едиными интересами с рабочими и крестьянами, кровно и неразрывно с ними связанная.

И, наконец, совсем другой стала интеллигенция, только теперь народная, живущая едиными интересами с рабочими и крестьянами, кровно и неразрывно с ними связанная.

И, наконец, совсем другой стала интеллигенция, только теперь народная, живущая едиными интересами с рабочими и крестьянами, кровно и неразрывно с ними связанная.

И, наконец, совсем другой стала интеллигенция, только теперь народная, живущая едиными интересами с рабочими и крестьянами, кровно и неразрывно с ними связанная.

Писатели и здесь должны стать в первую очередь бойцов за коммунистическое воспитание. В их руках самое мощное оружие — художественный образ, великий русский язык, великие языки братских народов СССР. Продолжая традицию гениальных русских писателей — Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Салтыкова-Шчурина, Толстого, Горького, Маяковского, писатели должны создать классические образы людей нашего времени.

Писатели и здесь должны стать в первую очередь бойцов за коммунистическое воспитание. В их руках самое мощное оружие — художественный образ, великий русский язык, великие языки братских народов СССР. Продолжая традицию гениальных русских писателей — Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Салтыкова-Шчурина, Толстого, Горького, Маяковского, писатели должны создать классические образы людей нашего времени.

Писатели и здесь должны стать в первую очередь бойцов за коммунистическое воспитание. В их руках самое мощное оружие — художественный образ, великий русский язык, великие языки братских народов СССР. Продолжая традицию гениальных русских писателей — Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Салтыкова-Шчурина, Толстого, Горького, Маяковского, писатели должны создать классические образы людей нашего времени.

Писатели и здесь должны стать в первую очередь бойцов за коммунистическое воспитание. В их руках самое мощное оружие — художественный образ, великий русский язык, великие языки братских народов СССР. Продолжая традицию гениальных русских писателей — Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Салтыкова-Шчурина, Толстого, Горького, Маяковского, писатели должны создать классические образы людей нашего времени.

ВАЛЕРИЯ ГЕРАСИМОВА

Уважение к писательскому труду

Высокая награда правительства имеет огромное значение прежде всего потому, что она является могучим стимулом для дальнейшей работы; стимулом к преодолению всех трудностей; к борьбе за то, что можно назвать своим «творческим лицом».

Высокая награда правительства имеет огромное значение прежде всего потому, что она является могучим стимулом для дальнейшей работы; стимулом к преодолению всех трудностей; к борьбе за то, что можно назвать своим «творческим лицом».

Высокая награда правительства имеет огромное значение прежде всего потому, что она является могучим стимулом для дальнейшей работы; стимулом к преодолению всех трудностей; к борьбе за то, что можно назвать своим «творческим лицом».

М. ИСАКОВСКИЙ

«Пишите богато»

Я получил поздравительную телеграмму от своих земляков из Смоленской области. Смоленские товарищи, перефразируя слова популярной песни, так закончили свою телеграмму:

Стань стойко свинцово-тяжело, готовые и к смерти и к бессмертной славе. Поэмы замери, к жеру прижав жерло напеленных зияющих заглавий. Оружия любейшего род. Готова рвануться в гике, Застыла кавалерия острот, Поднявши рифм отточенные пики... Так писал Владимир Маяковский.

СОВЕТСКИЕ КОМПОЗИТОРЫ К ЮБИЛЕЮ ШЕВЧЕНКО

На днях в составе советских композиторов под председательством Р. М. Глиера состоялось совещание по подготовке к шевченковскому юбилею. Композиторы В. А. Белый, Ю. С. Бирюков, А. А. Зинк, В. А. Золотарев, В. С. Иванников, Л. К. Кантнер и В. Г. Шафранников сыграли свои произведения на слова великого народного поэта. Были исполнены и произведения композиторов М. А. Бака и П. И. Синица, а также украинские народные песни в обработке композитора И. Шпирова.

ДЕКАДНИК СЕКЦИИ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

Зимними ночами на Алтае собираются у костра охотники и поют под аккомпанемент топшур (национальный инструмент) свои сказки о богатых Сайтакае, Алып-Манаше, Алтай-Куучин. По народному поверью, сказкой охотник может умоуловить «хозяйина гор», и тот пошлет ему хорошую добычу.

Сказки и песни Алтая — произведения высокого поэтического мастерства. Подшефствованные писателями А. Л. Коптеловым и П. В. Кучиком на последнем декаднике секции народного творчества ССР, они вызвали восхищение всех собравшихся. П. В. Кучик прекрасно исполнил многие народные песни под аккомпанемент топшур.

Однако ни народное творчество Алтая, ни его носители, как, например, 78-летний сказочник Николай Улагашев, до сих пор неизвестны широкому советскому читателю. Сказки и песни ойротского народа почти не записываются, не записываются и его богатые мелодии. Первыми фольклорными произведениями на русский язык большей частью получаются недостаточно квалифицированным людям. Говоря об этом, тт. Коптелов и Кучик подчеркивали необходимость быстрой записи алтайского фольклора, особенно у хранителей его — стариков-ойротов.

На заседании выступил также С. Гусляр. Он сделал попытку изложить в форме старинной былинки важнейшие события русской истории с древнейших времен до наших дней. Однако ни стиль, ни ритм, ни дух произведения Гусляра не соответствуют русской былинке. Об этом несоответствии формы и содержания говорил все выступавшие в прениях. Автор использовал старую форму механически, в то время как подлинно-народные сказители, создавая произведения в современном содержании, облачают его в новую, соответствующую ему форму.

ЮБИЛЕЙНОЕ ИЗДАНИЕ «КОБЗАРЯ»

КИЕВ. (Наш корр.). Вышло из печати юбилейное издание «Кобзаря» Тараса Шевченко. Редакционная коллегия сборника (А. Е. Корнейчук, П. Г. Тычина, М. Т. Рыльский, Ф. А. Релько и Д. Д. Капца) с большой тщательностью подготовила издание. В книге помещен популярный очерк о жизни и творчестве гениального поэта, написанный кандидатом филологических наук И. Стебуном.

В ОБОРОННОЙ КОМИССИИ ССР

Вновь создана оборонная комиссия советских писателей в составе: Вс. Вишневский (председатель), В. Финка, Г. Фина, Е. Долматовский, В. Горбатов, Л. Соболева, К. Левина, А. Нобак, С. Валленева, Л. Артугинский и А. Бобунова. 25 января состоялось первое заседание оборонной комиссии, на котором были распределены функции между ее членами и решены некоторые организационные вопросы.

Второе заседание оборонной комиссии совместно с активом оборонных писателей и писателями-орденоносцами состоялось 5 февраля. На нем обсуждался календарный план работ комиссии в феврале и марте.

В связи с приближающейся 21-й годовщиной Красной Армии оборонная комиссия организует целый ряд вечеров, выступлений писателей в воинских частях и на предприятных Москва.

17, 18 и 24 февраля в Центральном доме Красной Армии состоятся встречи писателей с бойцами и командирами Красной Армии.

В ближайшем времени оборонная комиссия намерена устроить серию творческих вечеров. Между 15 и 20 февраля намечен вечер Марины Расковой, книга которой «Залиски штурмана» печатается во втором номере журнала «Знамя». В марте будут устроены вечера, посвященные обсуждению нового произведения И. Шпирова «Первый удар» и Дальневосточных стихов Е. Долматовского.

Кроме того в Московском клубе писателей намечено устроить несколько докладов и лекций о международном положении капиталистических стран, о военной технике, а также беседы с военными специалистами.

Оборонная комиссия обратилась в ЦУР РККА и в Наркомат Военно-Морского Флота с предложением организовать курсы, а также учредить ежегодную премию за лучшее оборонное произведение.

СОВЕЩАНИЕ О КРАСНОАРМЕЙСКОЙ ПЕСНЕ

4 февраля в редакции газеты Московского военного округа «Красный воин» состоялось совещание поэтов и композиторов совместно с творческим активом московского гарнизона, созданное Политуправлением округа и редакцией газеты.

На совещании было обсуждено письмо группы политруков о создании новых песен ко дню принятия военной присяги и к 21-й годовщине РККА.

Открывая совещание, заместитель начальника Политуправления МВО т. Рабинович остановился на огромном политическом значении песни, на ее роли в боевой учебе и в культурной жизни бойцов и командиров.

Выступившие на совещании композиторы и поэты Дм. Покрасов, В. Мурадели, В. Белый, Ю. Хат, Ал. Сурков, С. Шиняев, С. Остров, горячо поддержали призыв политруков округа и единодушно высказались за совместную дружную работу по созданию новых красноармейских песен.

На совещании выступили также красноармейские композиторы и поэты: боец т. Русинюк, зам. политрука т. Сердюк, капельмейстер-орденоносец т. Мостов и др.

Участники заседания приняли решение ко всем бойцам командирам и политработникам Красной Армии, ко всем поэтам и композиторам Советского Союза.

НА ПОЭТИЧЕСКОМ ДЕКАДНИКЕ

На последнем поэтическом декаднике свою новую пьесу «Сказка» читал Михаил Светлов. Здесь рассказано об акнеднии молодых геологов в «Золотую долину». В пути экспедиции сталкивается с многими приключениями и неожиданностями. Но уже в первой картине обнаруживается, что все это романтическое путешествие — лишь сказка, рассказанная одним из юношей — действующих лиц пьесы. Сказка, в которой нет, правда, ничего фантастического, входит в жизнь естественно в органически настолько, что сами слушатели, захваченные увлекательным рассказом, не заметили этого неуместного перехода от действительности к вымыслу, от жизни к сказке. И когда в последней картине разгадывается занавес снова переносит нас из сибирской тайги в столетний город, у зрителя и слушателя не остается и тени разочарования. Так же органически введены в пьесу и песни, написанные прекрасным стихом, прочувствованные и глубоко лирические.

Сам пьеса написана простой. Но, как отметил выступившая в прениях Е. Усневич, несмотря на это, пьеса глубоко поэтична. Выступившие в прениях очень хвалили пьесу Светлова. Константин Симонов отметил, что эта пьеса, как литературное произведение, шире того жанра, в котором она сделана. Это — настоящая поэзия, хорошее раздумье над жизнью, исполненное поэтического лиризма. Ясный язык, теплый и хороший тон пьесы Светлова отметили в своем выступлении поэт Сергей Васильев, Иосиф Уткин, указавший на ряд недостатков пьесы, которые, по его мнению, сводятся к чисто фактическому неаппетитности отдельных деталей, присоединился к тем, кто положительно оценивает пьесу Светлова. Огромное большинство выступивших особенно тепло говорило о прекрасных пьесах Светлова, которые произвели на всех исключительно хорошее впечатление.

Обсуждение на этот раз велось на достаточно высоком уровне и не сводилось к высказываниям по мелочным, второстепенным вопросам, как это было, например, на декаднике Дм. Кедрина.

Павел Антокольский отметил, что поэтический декадник, посвященный Светлову, был одним из наиболее значительных за последнее время. Пьеса Светлова по его мнению, лишена теменной театральности и принадлежит к числу таких драматургических произведений, в которых театр должен походить с особыми мерами, найти «ключ» к ее правильному решению, проявив здесь максимум художественного такта и чутья.

Е. АЛЕКСЕЕВ

В ДОМЕ ПИСАТЕЛЯ ИМЕНИ МАЯКОВСКОГО

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Дом писателя им. Маяковского начал проводить совместные вечера ленинградских писателей с группами советской интеллигенции. На первом вечере гостями писателей были Герои Советского Союза академик П. Ширшов, кинорежиссер-орденоносец Г. Васильев и Ф. Эрмлер, народный артист РСФСР Ю. Юрьев, лауреат всесоюзного конкурса вокалистов К. Семизорова, художественный руководитель Государственного театра комедии Н. Акимов, московские писатели Л. Соболев, Н. Вирта и А. Каллер, музыканты, режиссеры, художники, актеры, в том числе Макарова, Юнгер и другие.

Писатели и гости собрались в одной из гостиных Дома им. Маяковского. Николай Тихонов рассказал о своей работе над интермедиями к пьесе Сервантеса «Хуманизм» и прочел две из этих интермедий — «Говорит река Эбро» и «Говорит антифашист». Заслуженный коллектив републики квартал им. Глазунова исполнил одно из новых произведений (квартет) Дм. Шостаковича. Ю. Тынянов впервые познакомил нас с 3-й частью романа «Пушкин». Отрывок, относящийся к периоду либерального вольнодумства, Ю. Тынянов прочел с большим мастерством и получил высокую оценку слушателей. Затем лауреат всесоюзного конкурса вокалистов К. Семизорова спела несколько произведений Чайковского, Глазунова, Васильева, А. Прокофьева, прочитавшей новые стихи, по просьбе слушателей прочел и некоторые из знакомых и любимых читателями стихотворения.

Виктор Шкловский рассказывал однажды, как к нему пришел его знакомый и, выслушав осуждение книги Ю. Германа «Наши знакомые», взял книгу со стола и прочитал ее, не отрываясь.

С. БОНДАРИН

Интерес к книгам Ю. Германа бесспорен. Должна понравиться читателю и новая книга этого автора «Две повести». Над этой книгой следует задуматься и критику.

Две новые повести Ю. Германа объединены общей темой, вернее, общностью материала, и герои повести «Лашин» встречаются опять в повести «Алексей Ямакин».

Герман пишет о жизни и о правах работников милиции и уголовного розыска и о том, как лихой вор Алексей Ямакин перестал быть вором.

Первое впечатление от книги хочется выразить так: общее ее достоинство — натуральность впечатлений, точность знаний, убедительность художественного письма. По этим причинам желаемое стало в книге действительным, и вместе с тем избегнута большая опасность, грозящая возможному оттоку сенсационности материала, слово «переводка» не беспокоит щепетильного читателя.

Эта удача объясняется условием, которое необходимо для удачного художественного произведения — художественной заинтересованности автора в том, что он изображает и описывает. Нельзя не поверить, что жизненные фигуры старого работника милиции Лашина, журналиста Ханина, уполномоченного Васюки Окошкина или вора Ямакина привлекали и волновали воображение художника. Авторская Алашова, кизнеродственный бурный Кочуренко, его дочь Клавдия, полюбившая Ямакина, мальчик Яна, бандит Корюха, бывший ошник Краденов Балага — и эти фигуры, они тоже живые, естественные и законы не потому, что «такое бывает», а потому, что, как правило, и главный и не главный герой нужны автору для выражения его чувств и художественной мысли.

Очень может быть, что все эти персонажи походят на свои прообразы в жизни, но разве этим сильна литература? Нет, не точный, прямой адрес, а образ человека, возможность существования такого лица и возможность подобных отношений занимает литературу, и, конечно же, это гораздо значительнее и важнее, чем простое сходство литературного образа с его прототипом. В этом смысле искусство сильнее жизни и в этом его обаяние.

Способности художественного обобщения безусловно обладает Ю. Герман, продолжающий новой своей книгой излюбленную для него линию бытошничества.

В период увлечения общими идеями без необходимого и достаточного жизненного опыта, в период преобладания так называемых «индустриальных тем», Герман был одним из первых, чье внимание снова обратилось к обстоятельствам жизни, которые можно назвать бытовыми, домашними, семейными: повседневные чувства и желания, все то, что согласно этой идеологии и должно быть предметом литературы, ибо тут и звучит главный тон жизни.

Взгляды не новые, но искусство бесновечно обновляет и взгляды и чувства. Вначале лишь в одной этой новизне предмета уже было ощущение эстетического, потому что и в самом деле все названное вполне достойно литературы.

Преобладание общего над частным, но типическому приводило скорее к аллегорическому, чем к конкретному образу, а теперь для ряда авторов, если не говорить о свойствах и о степени их литературного дарования, становится общим вкус к изображению повседневности.

Разрывает круг обусловленных тем, читатель разделяет с автором ощущение современности этой реакции жанра, она оказывает свое благотворное влияние, новые рассказы и повести читаются с интересом.

Ничего героического не происходит в этих рассказах. Люди не едут на до-

стройки, не ломают свой быт, а уже сами живут в быту: они хотят примотаться к своим соседям по квартире, они знакомятся, едят, спят, влюбляются и работают, но не на тракторе, а за письменным столом, или варят обед в коммунальной кухне, и их отношения определяются повседневностью интересов.

Революционные идеалы уже формируют повседневную жизнь. Не нужно кричать и пренебрежительно восторгаться. Сюжетное наблюдение и правдивое изображение будут делать свое дело. Ближе, еще ближе к дому, к будням и в быту и в чувствах! Муж и жена. Отцы и дети. Повседневный труд, в котором есть свой поэтический, естественный элемент жизненных удовольствий.

В таком виде складывалась эта эстетика. Но вот автор обжился в новом кругу сюжетов, свыкшись со своими персонажами — и с мужьями, перегруженными делом, и с неустрашенными женами, и со стариками-родителями, и вот появились свои опасности.

Из них первая и самая для каждой литературной школы — опасность условного, или программного, понимания жизни, опасность литературной инерции.

Другим словами, есть опасность удовлетворения правилом ради самого правила. Достаточно держаться в кругу отношений между мужем и женой — и получится жизнь.

Достаточно придерживаться локальности быта — и получится колорит, а то и дух эпохи.

Достаточно заглянуть в пробыллет своего героя — и ты поймешь его неповторимость, его характер.

Достаточно этих трех условий, чтобы получить правдивый и художественный литературный текст.

Условия нужны, но едва ли эти... То, что у одного купается свойством его литературного дарования, далеко не всегда оправдывается у другого.

Правда жизни — это уже и философия и эстетика, и менее всего инерция привычки. Произведение искусства не может быть инертно, ибо жизненная правда будоражит чувства и голос поэта. И в этом смысле поэт может считаться вне условий школы или направления: талант имеет право выражать себя в любой, удобной для него форме.

Мы не очень часто размышляем над этим. Книга Ю. Германа «Две повести» побуждает над этим задуматься.

Герман пошел против самого густого потока бытовых впечатлений. Где, как не на площади рынка, в бытошничестве, в управлении милиции, на городской окраине, в многолюдных общественных местах можно рассчитывать на зрелище непосредственных поступков, страстей и их последствий.

Тем более интересно тут, среди страстей, порока и заблуждения, обиды и несчастья, темных недобрых чувств и преступности искать признаки просветления и исцеления. Не может так быть, чтобы в нашей стране то, что называлось изнанкой жизни, оставалось бы нетронутым. Нет, у нас просто невозможна «изнанка» жизни, — наша жизнь насковоз проникнута революцией.

Верно, что жизнь — не кратчайшее расстояние между двумя точками, не прямая линия, а картина сложного сплетения линий, не плоскость, не поверхность, а объем и глубина. Тем более нужно уяснить себе, что в этом сплетении твоя интереснее? Что привлекает тебя и что отталкивает? Это есть идеология, но в таком отношении к материалу обозначается и эстетический потенциал произведения.

И вот при этом кончается обязательское любование к чужой жизни за перегородкой, равнодушие, слепота привычки, инертность чувств, и начинается целомуд-

ренная любознательность художника, активность художественного намерения. Воображение занято уже не столько самим прошествованием у соседей, на улице, в твоей собственной семье, сколько тем добавочным, просветляющим, глубоко индивидуальным чувством жизни, которое побуждает выразить его и искать общины и сочувствия.

Тогда — будь ты художник и мастер своего дела — становится понятным, зачем ты изображаешь того или иного человека и почему ты его изображаешь так, а не иначе, почему именно таковы обстоятельства, и в чем сюжет, мысль, поэзия твоего произведения.

Тогда не страшны будни. Не страшно и беззащитно твое пристрастие к изображению будничного, потому что не изображаемое было твоей прямой целью, это только средство, а цель — поэзия, присущая твоему ошущению прекрасного, твоему предмету искусства.

И тогда, при этом условии, книгу о буднях отложив с чувством свершившегося праздника.

Так думается, когда прочитана и закрыта хорошая книга, так думаешь и над книгой Германа «Две повести».

Кроме объекта искусства есть и его субъект — автор. Книга Германа хороша прежде всего тем, чем отмечено всякое произведение искусства: между нею и действительностью ошущается поэт. И потому честный, добрый, смелый, великодушный Лашин, рыцарь своего дела, и возможен в жизни и насущно необходим. Вот именно: насущно необходим в нашей жизни такой человек, как Лашин! Так ошущается сюжет первой из двух повестей Германа, и потому эта повесть в высшей степени современна и современна.

Не менее современна и вторая повесть — о воре Алексее Ямакине, человеке характера, который, однако, не «перекочевал», а перестал быть вором. Некоторые страницы и отдельные главы в этой повести просто превосходны. С большой силой изображено бегство Ямакина из заключения через тайгу, его похищение в поезде, первые дни в Ленинграде. Превосходно сыгрался Герман с трудной темой любви Клавдии к Ямакину. Эти страницы, может быть, с наибольшей ясностью обнаруживают поэтическое дарование автора.

Намерение художника выполнено, и ему легко простить некоторые недостатки: можно было избежать некоего мерцания сюжета вокруг фигуры Лашина; повесть о Ямакине кончилась значительно раньше, чем автор поставил свою последнюю точку. Он растянул повесть, как растягивают гармонь для полноты звука, для ощущения длительности. Это сделано, вероятно, из-за опасения быстрой смены «переводки», но нам кажется, что затянутости этой все же можно было избежать: все кончилось раньше, естественно и убедительно.

Ю. Герман свободен от опасности и сложительности чести вместо жанра художественного бытошничества или психологического романа воссоздать «Неву», от опасности, перед которой стоит каждый бытописатель, преобретающий конечными целями искусства. И познание мира и его переписка тесно между собой связаны. И то и другое неотступно тем, кого достойное удивления не удивляет, радостное не радует, возмущительное не возмущает. Принципиальны или нарочиты или, быть может, совсем не принципиальны такие умонастроения и такая литературная манера. — Все равно: будничность книги не говорит в пользу художника и тогда, когда эта будничность не названа принципиальной.

Будничная книга бесполозна. Обо всем этом приходится говорить в ответ на желание иных товарищей художественную незарелость толковать как новое слово в советской литературе. Нельзя называть совершенной правдой искусства то, что имеет ценность лишь как корректив к бессодержательной, фальшивой патетичности, к умелому обусловленным сюжетам, имеющим спрос у плохих, робких и холодных редакторов и издателей.

Издательство «Искусство» выпустило недавно сборник «Горький и театр», украшенный маркой Всероссийского театрального общества.

А. РОСКИН

Она из статей, помещенных в этом сборнике — драматургия Горького и Чехова М. Григорьева, — заслуживает особого внимания.

М. Григорьев заявляет, что написал для того, чтобы:

1) указать «советским режиссерам и актерам опасности, которые подстерегают их при постановке пьес Горького, — опасности перехода на позиции чеховской театральности»;

2) помочь «режиссерам и актерам, работающим над возобновлением чеховских пьес, использовать опыт Горького, преодолеть в чеховской драматургии то, что совсем приемлемо современному советскому театру в социалистической интерпретации пьес Чехова».

Задача, конечно, весьма серьезная, хотя уже в самой ее формулировке нетрудно заметить некоторую сбитость. Что собственно непримемлемо советскому театру? Социалистическая интерпретация Чехова? Пролетарат? Его Чехов не знал.

Буржуазия? Ее Чехов, видите ли, недопонял: «Лопухин был бы Чехов во многом (тега incognita)».

Значит — «оставалась дворянская помещная (неслужащая) «свободная» интеллигенция».

Какое дело М. Григорьеву до того, что Чехов написал «Три года», «Бабы паровоза», «Случай на практике» — произведения, с замечательной силой раскрывающие русский буржуазизм?

Каком ему дело до того, что существовало еще крестьянство, мещанство, разночинная (не помещная, а «служилая») интеллигенция?

Важна ведь видимость глаголок словесного обаяния, а не суть дела!

Анализируя, как именно Чехов следил за судьбой своих помещиков и неслужащих героев, М. Григорьев делает ряд необыкновенно тонких замечаний.

Вот, например, анализ «Вишневого сада»: «Большую часть своей жизни Раневская провела за границей, в этом отношении продолжая традицию Герцена, а тех дворян, которые сорили за границей выгодами из крепостных земель».

Очень ценное указание! Легко представить себе, что какой-нибудь режиссер, желая осветить «Вишневый сад» с его служилой интеллигентной и расшатанной экономической базой, предпринимает спектакль проломом: «Раневская в Париже». Так вот, пусть в этом случае режиссер не изображает Раневскую, скажем, излающей какой-

нибудь эмигрантский революционный орган.

Нет, Раневская не продолжала традицию Герцена!

Касаясь «Трех сестер» (встает, автор забыл отметить, что в этой пьесе мы имеем дело уже явно со служилой и совсем не помещной интеллигенцией), М. Григорьев обвиняет героинь «...отсутствия настоящего понимания, затем им нужна Москва».

«...Отсутствие настоящей деловой борьбы за перевед в Москву приводит неизбежно к тому, что мечта сестер рушится».

В самом деле, почему три сестры не дали объявления в «Вечерней Москве» об обмене своего обширного дома на площадь в Москве, обещаю, как говорится, «опл. рем. и др. расх.».

Трудно перечислить все пошлости, рассеянные по статье М. Григорьева.

Испытываемь какое-то некое чувство, когда наталкиваешься на такого рода фразы:

«В пьесах Чехова много парочек (!) и нет ни одной «идеальной любви».

«...Все, общающиеся с ним (т. е. вишневым садом. — А. Р.), в частности Гаев и Раневская, в антах общении очмичаются».

Подводя некоторые итоги драматургии Чехова, М. Григорьев указывает, что «почти во всех пьесах Чехов воздействует и на чувства семейных».

Чехов, видите ли, изображает трех сестер, которые любят своего брата.

Впрочем, М. Григорьев тут же замечает, что «незачем перечислять все приемы этого рода, важнее установить их функции в пьесах». Каковы же эти функции?

Оказывается, функции всех этих приемов — «разжигать пламя камерной личности».

Так и написано — пламя камерной личности.

Мы не являемся поклонниками того рода критических статей, которые заканчиваются отчаянными призывами к редактору, ибо полагаем, что автору не мешает отвечать самому за себя.

Но в данном случае, в самом деле, очень трудно удержаться от того, чтобы не задать несколько недоуменных вопросов редактору данной книги — В. Островской.

Не корюбит ли вас т. Островская, все эти «звучания», «парочки», «камерные личности», все эти комические претензии на глубокий социальный анализ и тонкие эстетические наблюдения?

Это очень верно сказано было в свое время, что «писатель должен писать».

Но не верно ли и то, что «редактор должен редактировать» — хотя бы в особо выдающихся, так сказать, экстренных случаях?

СЧАСТЛИВАЯ МОЛОДОСТЬ

Стружки котились в тори. Всплыв в притравах грізні скарі, Фортені лавні, кам'яні, Що опівня Іх Руставелі...

Из этого стихотворения можно было бы выбрать еще много хороших строк.

Вася Козубенко пишет о себе: Я найшастливіший у світі, Бо я живу в Україні Раді, Де медом дубка наліт, Де дівичі родять виногради.

Хорошая, ясная поэзия у Олеса Панасенко (9-й кл.). Великолепное начало стихов про Сергея Лазо, автор — Сергій Мушняк (7 кл.):

Не від того плачуть сосни Густро смолою, Що проносів вогняні вітер Над Іман-рікою,

А від того плачуть сосни Густро смолою, Що несе той вітер сумну Вістку із собою.

Это стихотворение и в целом хорошее. Красиво и лирично начало стихотворения Доры Шток:

Отпели над Україною На закате маки,

Поли песней соловетькой Роши в полумраке... В авангаре — там, где знамя, Командир шагает, Смотрит, синими глазами Поле обнимает.

Правда, Дора не в особеном ладу с русскими ударениями. Но это придет со временем.

Как трогательно обращается Борис Доренко (7-й кл.) к знаменитому своему земляку — Т. Г. Шевченко:

Нема паря, немае пана, Кайтані розкуті; Доволь мені добрим словом Тебе помянути.

Не в особом, порою, ладу с русским языком стихи «Дуэль» — Лили Немовой, «Пушкин» — М. Мильмана, «Учитель» — Павла Чмир, «В таборах» — Василия Чоловского и многие другие.

Самой собой разумеется, что в сборнике есть много слабого, наивного, тривиального и пустого. Далеко не все надо было печатать. Но общее впечатление все же хорошее, радостное. Хочется пожелать участникам сборника, чтобы они дальше серьезно работали, были бы самостоятельными мыслителями.

Е. БЛАГИНИНА

А. ГУРШТЕЙН

Литература и наука

Только что закончились выборы новых академиков. Академия наук СССР пополняется целым отрядом передовых ученых. И наряду с учеными в число действительных членов Академии избраны также писатели-орденоносцы А. Н. Толстой и М. А. Шолохов.

Писатели эти известны всей стране. Крупнейшим и наиболее значительным произведением А. Толстого является его роман «Петр Первый», большое историческое полотно, где автор воссоздает картину целой эпохи в жизни русского народа, — эпохи, которая коренным образом преобразовала государственную и общественную быт России, повернула ее на новые пути. В «Клебе» А. Толстой рассказывает о героической обороне Парыгина, решившей судьбу нашей революции.

М. Шолохов, прекрасный знаток быта и психологии казачества, показал в «Тихом Доне» и «Поднятой целине» на примере близкой ему среды, как Великая социалистическая революция до неузнаваемости изменила весь строй жизни, весь строй мысли и чувств народных масс нашей страны. Он показал глубочайший социальный процесс нашей действительности, переход к коллективизации.

Факт избрания писателей в действительные члены Академии наук имеет большое принципиальное значение. Это не только признание выдающихся литературных заслуг названных писателей. Самым фактом избрания литературы в науку является раз подчеркивается огромная роль художественной литературы в познании и революционном изменении действительности.

Не только классика марксизма, но и мыслители более ранних времен сознавали ту огромную силу познающей мысли, которая таится в литературе.

Уже Аристотель, живший в IV веке до нашей эры, подчеркивал огромную объединяющую силу художественного творче-

ства. В своей знаменитой «Поэтике», которая является первой дошедшей до нас попыткой дать общую теорию художественного творчества, он писал: «Поэзия содержит в себе более философское и серьезное содержание, чем история» (под «историей» Аристотель разумел здесь не историческую науку в нашем понимании, а лишь летопись, хроника событий).

Богатейшая античная литература, действительно, оправдывает до высочайшего значения, которое ей приписывал Аристотель. Достаточно вспомнить хотя бы ее огромную роль в процессе разрушения устаревшего уклада античной жизни, строя ее верований и понятий. Вспоминаются слова Марса: «Богам Греция, однажды уже трагически раненная на смерть в «Прикованном Прометее» Эсхила, пришлось еще раз комически умереть в «Раздорах» Лукяна. Зачем так движется история? Затем, чтобы человечество смеялось расставало со своим прошлым».

И в дальнейшем развитии мировой художественной литературы выступают эти два начала: трагическое и комическое. С одной стороны, трагический протест против неустрашенности и несовершенства человеческого общества, вызываемых эксплуататорским строем, мучительные и настоятельные поиски ответа на основные вопросы жизни. В этом ряду Эхил, Шекспир, Гете, Пушкин, Лев Толстой, Горький. С другой — смех и сатирическая ирония над отживающим прошлым, которое пытается похитить все живое. Мы это видим у Лукяна, которого Энгельс называл «Вольтером классической древности», Рабле, Сервантеса, Свифта, Гоголя, Салтыкова-Щедрина. Но в какие бы формы ни воплощалось художественное творчество, оно лишь тогда выполняло свое высокое призвание, когда было боюущею пронабором художника в действительность, глубоким познанием этой действительности.

Всем памятен лужикский образ влюбленного поэта, которому открылось знание мира:

И вял я тебя содроганье, И гад морских пошлостей хол, И долгие домы провабьанье,

Это не одна лишь поэтическая метафора. Это — образное выражение тезиса о художественном познании мира.

Творчество самого Пушкина в высочайшей мере обладает познавательной ценностью. Великий увидел в «Евгении Онегине» «поэтически воспроизведенную картину русского общества, взятого в одном из интереснейших моментов его развития». Всем известны слова Белинского о том, что роман Пушкина «можно назвать энциклопедией русской жизни».

Маркс в своих работах не раз называет имена Шекспира, Гете, Бальзака. Маркс приводит строки Шекспира о всемогуществе денег, ссылается на Бальзаковского «Обскаса», замечая при этом, что Бальзак «основательно изучил все оттенки скупоности». Делает это Маркс не для иллюстрации своей мысли, а затем, чтобы подтвердить свои выводы авторитетным свидетельством художника, который пристально изучил нравы общества и психологию различных его представителей.

Высокую оценку реалистическому искусству Бальзака давал и Энгельс. Он писал: «Бальзак... в своей «Человеческой комедии» дает нам самую замечательную реалистическую историю французского общества... из которой я узнал даже в смысле экономических деталей больше, чем из книг всех профессиональных историков, экономистов, статистиков этого периода, взятых вместе». В аналогичных выражениях Маркс — гораздо ранее Энгельс — высказывался об английской школе реалистов (Диккенс, Теккерей).

В статьях Ленина о Льве Толстом с особенной остротой поставлен вопрос об отношении писателя к действительности. Первая статья Ленина о Толстом, написанная в 1908 году, носит заглавие «Лев Толстой, как зеркало русской революции», и уж это одно заглавие говорит о том, чего искал Ленин в произведениях Л. Толстого. И силу Л. Толстого Ленин видел именно в том, что русская действительность в эпоху подготовки первой революции 1905 года в некоторых своих существенных чертах наша отражение в творчестве Л. Толстого. Ленин писал: «Эпоха подготовки революции в одной из стран, придавленных крепостничеству, вы-

ступила, благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества» (том XIV, стр. 400).

Ленин не раз ссылается на Глеба Успенского для подтверждения своей мысли о развитии капиталистических отношений внутри сельского хозяйства в России. Глеб Успенский не был ученым экономистом, но прекрасное знание крестьянства, талант и художественная наблюдательность позволили ему увидеть то, что было скрыто от ученых, которые находились во власти ложных народнических схем.

Политная художественность, по мысли Ленина, определяется степенью верности отражения действительности в произведении художника. Ленин разговаривал за реалистическое искусство, за искусство, которое дает — своими собственными, художественными средствами — правдивое и глубокое отражение действительности, за искусство, которое связано с жизнью и выдвигает большие вопросы.

Взгляды Ленина на литературу органически связаны с его «теорией отражения». Эта теория, в противовес агностицизму во всех его разновидностях, не ставит грани человеческого познанию. Ленин говорил о «живом дереве жизни, плодотворного, истинного, могучего, всеобщего, объективного, абсолютного, человеческого познания» (том XIII, стр. 304). Художественная литература, наряду с наукой, обладает возможностью этого «объективного, абсолютного, человеческого познания».

Сталинский лозунг социалистического реализма, являющийся развитием взглядов Ленина на вопросы искусства, зовет советскую литературу к вершинам художественного познания, ставя перед ней задачу своими художественными средствами воспитывать народные массы в духе коммунизма и таким образом содействовать построению коммунистического общества.

Предмет литературы и науки — один и тот же, у них схожие интересы и задачи, но методы их различны. В то время, как наука мыслит понятиями, художественная литература (как и искусство вообще) мыслит образами. Отношение ли-

тературы к науке прекрасно выразил Чернышевский, который сказал, что «произведение искусства, оставаясь в области искусства, приобретает значение научное».

Разными путями литература и наука приходят к одному и тому же: к знанию.

Литературу с наукой роднит также способность предвидения будущего. Это предвидение сказывается в многообразных видах. То оно выступает в форме художественной утопии, в которой заключены зерна истины и которая впоследствии подтверждается в жизни. Слова относятся к называемая научно-художественная фантастика. Иной раз предвидение будущего сказывается в идеях, намеченных первоначальное воплощение в художественных произведениях и лишь впоследствии получивших научное обоснование. Достаточно вспомнить о гетевском «Фаусте». И, наконец, художник часто определяет будущее явление по его эмбриону. П. Лафарг в своих воспоминаниях о Марксе передает следующую его мысль: «Бальзак был не только историком общества своего времени, но также творческим предвосхищением фигуры, которые при Людовике-Филиппе находились еще в зародышевом состоянии и только после смерти Бальзака, при Наполеоне III, достигли полного развития».

Эта способность предвидения вносит одну черту родства в отношении между литературой и наукой, хотя источник этого предвидения здесь часто различен.

Близкая науке наблюдательность и изученный писателя есть область человеческих отношений, область масс и чувств, область человеческих переживаний в самом глубоком и полном значении этого слова. Объектом интересов художника является по преимуществу чело-

век. Художественное творчество вносит свою большую долю в общую сокровищницу науки о человеке.

Человека художественная литература познает не изолированно, а в обществе, в его общественных связях и отношениях. Вот почему наука об обществе находит такое подспорье в работах писателей. И недаром Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин обращаются к великим художникам слова для подтверждения своих мыслей.

Художественная литература обладает огромной силой воссоздания исторических эпох, их колорита, их атмосферы. Человек, общество, история — вот по преимуществу те объекты, на которые направлено художественное познание.

Всякий большой писатель есть в то же время большой мастер слова, он принимает непосредственное участие в развитии нашего литературного языка, в его разработке и обогащении. Эта «лингвистическая» работа писателя над тончайшим инструментом нашей мысли имеет своей предельной и основой глубокое изучение живой народной речи, изучение огромного и разнообразного языкового материала. Здесь близость литературы и науки сказывается в наиболее непосредственной, наиболее ошущимой форме.

Товарищ Сталин в своей известной речи на приеме работников высшей школы говорил о задачах передовой науки. В нашей художественной литературе в большой мере применимы те требования, которые товарищ Сталин пред явил к передовой науке. Наша советская художественная литература, которая «является самой идейной, самой передовой и самой революционной литературой» (Ленин), чтоб выполнить свое высокое призвание, должна держать, проявлять смелость и богатство мысли, должна быть новатором, — не в узком пеховом смысле, а в смысле перестройки движения вперед. Все ее интересы должны быть подчинены народу и только ему.

Писатели, награжденные орденами Союза ССР: Ата Салих, Крюкова М. С., Лыньков М. Т., Манур Шейхи, Самуиленок Э. Л., Абашилев И. В., Гофштейн Д. Н., Кладнашвили С. Д., Лебедев М. Н., Плевнев Грипи, Рыбинин-Андреев П. И., Талжибаев Абдилда, Тази Гизат, Шишков В. Я.

ТВОРЧЕСКИЕ ПЛАНЫ

А. АДАЛИС
Я работаю теперь над большой поэмой. Названия ей еще нет; это будет поэма о путешествии по многим местам Советского Союза.

Пишу также стихи для газет.

М. АЛИГЕР

Я работаю над новой поэмой о молодом человеке, моем ровеснике и современнике, ставшем героем Советского Союза. Я хочу, чтобы это была повесть, которая правдиво расскажет людям будущего о нашей сложной и прекрасной жизни, о нашем справедливом времени, о больших и сильных, о заботливых и внимательных людях, ведущих нашу страну к счастью.

П. АНКОЛЬСКИЙ

Я пишу балладу об Интернациональной бригаде в Испании. Как только я ее закончу, мне хочется начать писать драматическую поэму на исторический сюжет (XVIII век, Россия).

НИКОЛАЙ АСЕВ

Работаю только над поэмой «Маяковский начинается». Когда закончу? Вряд ли раньше, чем к десятилетью со дня смерти Владимира Владимировича Маяковского.

П. БРОВКА

Скоро в Белорусском театре оперы и балета будет поставлена опера композитора Е. К. Тихоного — «Михаил Подгорный». Либретто оперы делал я. Опыт этой работы используется сейчас мной и поэтом П. Глебой в работе над либретто новой оперы композитора А. Е. Турьенкова — депутата Верховного Совета БССР. Самой большой и интересной считаю сейчас коллективную нашу работу с П. Глебой и К. Крапивой, над переводом на белорусский язык творений великого поэта Грузии Шота Руставели.

Е. БЛАГИНИНА

Я закончила недавно большую работу над переводами Шевченко и теперь принимаюсь за перевод новой тысячесторонней книги Л. Квитко. В нее включены интернациональные баллады и отдельные стихи. Готовлю также книгу лирических стихов для дошкольников и хочу написать цикл стихов о юности.

НИКОЛАЙ ВИРТА

Кончаю пьесу для МХАТ СССР им. А. М. Горького. Пьеса называется «Заговор». Действие ее происходит в 1936—37 годах.

Несколько месяцев тому назад я начал писать роман «Землеладельцы» — первая книга из задуманного мною цикла романов, в который вошли уже написанные «Одиночество» и «Закономерность». Всего в этом цикле будет шесть романов: «Землеладельцы», «Тамбовская губерния», «Одиночество», «Закономерность», «Елена», «Конец Сторожева».

Я написал уже первую часть «Землеладельцев» — 15 листов, а это будет большая книга листов на 70. В «Землеладельцах» я показываю первую русскую революцию в городе и на селе, работу большевистской партии, я вывожу образы Ленина и Сталина в 1905—06 годах.

НАИРИ ЗАРЬЯН

Заканчиваю поэму «Сталин» («Оборона Царицына»). Поэма переводится на русский язык и включена в план Гослитиздата. Одновременно работаю над 2-м томом романа «Хазаван» о колхозном строительстве в Армении.

ВЕРА ИМБЕР

В данное время у меня целых три рабочих «объекта». Первый и самый для меня важный — это продолжение поэмы «Путевой дневник»; вторую ее часть, посвященную современной жизни, я буду писать летом, после того, как еще раз побываю в Грузии. Второй «объект» — стихотворный — цикл «Метаморфозы», который закончу к весне. И наконец третий — это научно-фантастический роман. Его я, разумеется, буду писать не одна. У меня уже есть три помощника: астроном, физик и техник-популяратор. Роман я начну осенью.

С. КИСАНОВ

Пишу сейчас «Поэму поэтов». Она будет написана прозой и стихами. Это лирическая поэма о современной молодежи. Работаю над прозаическим романом «Париж без Москвы».

ЯКУБ КОЛАС

Есть гиблые места в Белоруссии — гибкие болота, в которых ни пройти, ни проехать, ни проползти. Стояют, прятаясь, трясина, земля от людей, и какую землю!

А на немногих еще, осущенных болотных массивах в такой рост иду хлеба, что полегает от тяжести налитых колосьев рожь и жито, что приходится сдерживать освобожденную творческую силу земли, сеять реже.

Был я недавно в одном совхозе, пригласившем на маленьком, песчаном островке среди замшелой, болотной дремы. Великую, трудную борьбу ведут там люди, отвоювая у болотных глухоманей замечательную плодородную землю. Настолько тяжела и прекрасна их труд, труд борцов-созидателей, что незаметно тычется рука снять перед ними шапку. Вот об этих людях, о великом единстве человека и природы я буду писать сейчас.

Я. КУПАЛА

Перевожу Лермонтова на белорусский язык. Это очень большая, волнующая и нужная народу работа. Пока еще в голове — стихи о Шевченко, о замечательном поэте, о большом человеке с яркой и трагической жизнью. Очевидно скоро я напишу их. Работаю и над сценарием кинокартины по своей поэме «Над рекой Орсей».

Культура, социалистическая по содержанию и национальная по форме

И. ТРАЙНИН

Партия Ленина—Сталина на всем протяжении своей борьбы против национального гнета отстаивала право наций на свободное развитие своей национальной культуры. Еще старая программа РСДРП, принятая на 2-м съезде партии в 1903 г., наряду с требованием «права на самоопределение за всеми народами, входящими в состав государства», ставила своей задачей добиться права «населения получать образование на родном языке, обеспечиваемое созданием на счет государства и органов самоуправления необходимых для этого школ».

Партия Ленина—Сталина всегда ставила вопрос о национальной культуре в тесной связи с классовыми задачами пролетариата. Для Ленина и Сталина не было и не могло быть надклассовой национальной культуры.

«Есть», — писал Ленин, — две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуршевцев, Гучковых и Струве, — но есть также великорусская культура, характеризующаяся именами Чернышевского и Плеханова. Есть также же две культуры в украинском, как и в германском, французском, английском, еврейском и т. д.»

Ленин и Сталин энергично боролись против так называемой «культурно-национальной автономии», заимствованной у австрийских социал-демократов российскими опортунистическими мелкобуржуазными партиями: будум, меньшевиками-ликвидаторами, различными левонародническими национальными партиями и др.

Проект «культурно-национальной автономии» был националистическим проектом, направленным на то, чтобы «равноправно» трудящихся разных наций. Проект этот выдвинул вопрос культуры на общегосударственный уровень. Он наметил сотрудничество классов в рамках «единой нации» путем создания «обнациональных корпораций». Культура таким образом вырывалась из общего ула политических и экономических вопросов. Это противоречило марксистским взглядам на историко-экономический процесс, согласно которому и школа и вообще дело культуры теснейшим образом связаны с экономической и политической, а следовательно и с борьбой классов. Проект о «культурно-национальной автономии» фактически стремился подчинить пролетариат каждой национальности «своей» буржуазии.

Ленин и Сталин призывали к объединению усилий пролетариата и трудящихся всех наций для борьбы против паразитов, помещиков и капиталистов — носителей национального гнета, препятствовавших культурному развитию трудящихся масс.

Великая Октябрьская социалистическая революция, свергнув власть буржуазии и помещиков, открыла широчайший простор развитию национальных культур. Это развитие тесно связано со всем нашим социалистическим строительством, основанном на сотрудничестве и братстве всех национальностей СССР — единственности в мире добровольный союз равноправных народов, создавших свою национальную культуру государственности. Близкую и единственную широчайшим массам. Национальная культура в условиях диктатуры рабочего класса направлена на то, чтобы сделать всех трудящихся сознательными строителями социалистического общества, вооружить массы народа учением марксизма-ленинизма, учением коммунизма.

Советские национальные культуры проповедуют интернационализм, братство и солидарность трудящихся всех народов, общность их целей в деле строительства коммунизма; они являются проводниками идеологического вождества рабочего класса на остальные слои трудящихся. Национальные культуры в условиях диктатуры рабочего класса, служа делу социализма и коммунизма, способствуют развитию советской демократии, вовлечению широчайших масс в управление государством и в производство, способствуют соз-

данию новых квалифицированных кадров рабочих, подъем материального и культурного благосостояния каждого народа.

Таким образом национальная культура в эпоху диктатуры рабочего класса национальна в совершенно другом понимании, чем в условиях господства капитализма.

Национальная культура при диктатуре рабочего класса есть социалистическая по своему содержанию и национальная по форме культура (Сталин).

И наоборот, национальная культура буржуазии, защищая свои классовые интересы, отстаивает эксплуататорскую систему капиталистического строя. Она проповедует национальную исключительность, она пронизана националистическим уродством, националистическим самонадеянием и тупым презрением к другим национальным культурам. Национальная культура буржуазии возводит в принцип разрыв и вражду между народами, проповедует колониальную разбой. Ее фашистская разновидность проповедует зоологический шовинизм, расизм, чужденечество, право «вышей расы» на угнетение так называемых «низших рас» и т. д.

Национализм — составная часть буржуазной идеологии. Он направляет на то, чтобы обмануть и расколоть пролетариат, одурачить мелкую буржуазию, создать «национальное», «расовое» единство, т. е. фактически подчинить интересам трудящихся интересам капиталистов.

И не случайно враги социализма, агенты фашизма, троцкистско-бухаринские предатели контактировали с националистами всех мастей, чтобы помешать торжеству социализма и пролетарского интернационализма. Троцкисты тотчас же после победы социалистической революции «доказывали», что рабочему классу в переходную эпоху от капитализма к коммунизму якобы некогда строить свою социалистическую культуру. Мамокину, на что может хватить времени, это на «культурничество», ведущее к тому, чтобы «выстрелять дурак», пострелять и прыгаться волостями. Фактически они стремились создать буржуазную культуру и обеспечить влияние последней на пролетариат. Разоблаченные троцкистско-бухаринские изменники в союзе с самыми оголтелыми националистами стремились ввернуть сотрудничество народов, расчленив СССР в угодные фашизму. Их расчленил расчленил путь для дальнейших и еще более мощных успехов в области нашего социалистического хозяйства и культуры.

«Дознание национальной культуры», — говорил товарищ Сталин, — был лозунгом буржуазии, пока у власти стояла буржуазия, а консолидация наций происходила под эгидой буржуазных порядков. Дознание национальной культуры стал лозунгом пролетариата, когда у власти стал пролетариат, а консолидация наций стала протекать под эгидой советской власти».

Самая консолидация многих советских народов в нации совершается на совершенно другой основе и другим порядком, чем это было раньше, при буржуазных национальных революциях.

Там рынок способствовал консолидации наций, созданию общего языка, национальной культуры. Вокруг этой консолидации выступала буржуазия. В условиях же диктатуры рабочего класса даже самые отсталые в прошлом народы, находившиеся раньше в докапиталистических условиях, не имеющие даже своей письменности и своей развитой культуры, — при поддержке и помощи рабочего класса передовых районов консолидируются в нации, развивают свою национальную культуру на социалистической базе. Только при наличии этой помощи бывшие от-

сталые народы создали свою письменность, литературу, искусство, и их национальное развитие идет уже по прочному социалистическому пути, минуя капитализм. Учение марксизма-ленинизма о некапиталистической эволюции остальных народов при условии помощи победившего пролетариата передовых стран получило в СССР свое полное подтверждение на практике.

Каждая советская нация переживает культурный расцвет, невиданный в ее истории. Литература в СССР выдвигается на 111 языках, газеты — на 69 языках. Культурный расцвет каждого народа выражается в гигантском развитии национальных школ, вузов с преподаванием на родных языках, театров, клубов, кино. Каждая нация критически переоценивает свое старое наследие, отбрасывает на него все лучшее демократическое, народное. Среди каждого народа выдвигаются свои, новая, советская интеллигенция, двигающая вперед дело социалистического строительства.

Народное творчество получило невиданный расцвет. Творчество народных поэтов, как Сулеймана Стальского, Джамбула и других, окружено большой любовью и вниманием всех трудящихся, переводится на многочисленные языки народов СССР.

Памятник народного творчества, как произведения грузинского поэта Рузвели, русское «Слово о полку Игореве» и др., стали близкими всем народам СССР.

Гастроли украинского, казахского, узбекского, грузинского, азербайджанского и других театров в Москве содействуют обмену культурного опыта народов.

Иными стали песни ашугов в Азербайджане, Армении, акынов — в Казахстане, Киргизии. Они звучат энтузиазмом, добротой, уверенностью, сознанием новой силы, обретенной каждым народом при социализме.

Основные произведения Ленина и Сталина переведены на все языки СССР. На многие языки переведены Гоголь, Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Островский, Салтыков-Щедрин, Толстой, Чехов, Горький, Маяковский и др. Не только пролетариат, но и интеллигенция, как Шекспир, Байрон, Сервантес, Франс, Зола, Гюго, Гейне, Гете, переводятся на языки народов СССР. На русский и другие языки переведены произведения Руставели, Шевченко, Ованес Туманяна, Шаома-Алейхана и др.

Таков расцвет национальных культур при социализме. Такова культурная революция, осуществленная среди всех народов нашего неоглядного Союза на базе сталинских пятилеток.

«Во всех союзных республиках СССР достигнуты значительные успехи в деле индустриализации и подъема материально-культурного уровня населения, в создании национальных большевистских кадров, в подъеме всей национальной, социалистической по содержанию, культуры. Особенно велики были темпы материального и культурного подъема у народов советского Востока» (из тезисов доклада тов. В. Молотова).

Тезисом доклада тов. В. Молотова на XVIII съезде ВКП(б) намечается дальнейший подъем материально-культурного уровня трудящихся всех народов СССР, что должно еще более укрепить внутреннее морально-политическое единство всего нашего многонационального советского народа.

Историческое значение всех этих успехов громадно. Они подготавливают новую будущность человечества. Социалистические фабрики и заводы, колхозы и совхозы пробивают замкнутый круг так называемой «национальной самобытности». Они

сломали барьеры, разделявшие раньше нации, сблизили эти нации, приобщили самые отсталые в прошлом народы к новым достижениям социалистической культуры.

Рост техники и интернациональных связей обогащает язык каждого народа новыми интернациональными терминами, вносит в него элементы интернационального языка. Национальная форма не есть форма, раз навсегда данная. В ходе исторического процесса она развивается, меняется в зависимости от нового содержания, что ведет к полному единству социалистической культуры, к слиянию национальных культур в будущем, после победы коммунизма во всем мире.

«Целью социализма», — писал Ленин, — является не только уничтожение раздробленности человечества на мелкие государства и всякой особенности наций, но только сближение наций, но и слияние их».

Но это процесс добровольный, не спровоцированный никаким насильем, способным лишь повредить этому процессу. Ленин вместе с тем предупреждал, что национальные различия будут держаться еще долго «даже после осуществления диктатуры пролетариата во всем мире» (такая диктатура должна правильно приспособить к этому интернациональному тактику рабочего класса «к национальным и национально-государственным различиям»).

Товарищ Сталин на XVI съезде партии прекрасно открыл этот диалектический процесс. «Может показаться странным», — говорил товарищ Сталин, — что мы, сторонники слияния в будущем национальных культур в одну общую (и по форме и по содержанию) культуру, с одним общим языком, являемся вместе с тем сторонниками расцвета национальных культур в данный момент, в период диктатуры пролетариата. Но в этом нет ничего странного. Надо дать национальным культурам развиваться и развернуться, выявив все свои потенции, чтобы создать условия для слияния их в одну общую культуру с одним общим языком. Расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в условиях диктатуры пролетариата в одной стране для сближения их в одну общую социалистическую (и по форме и по содержанию) культуру с одним общим языком, когда пролетариат победит во всем мире и социализм войдет в быт, — в этом именно и состоит диалектический ленинский постановка вопроса о национальной культуре».

Гигантские успехи национальных культур в СССР особенно ярко выступают на фоне той дикости и варварства, которые несет с собой зверский фашизм.

Невежество — верное орудие фашизма. В Германии, например, количество школ и вузов сокращается. Детские головы убиваются учением о «превосходстве нации» над другими народами, в людях развивают чувство шовинизма, ненависти к другим нациям. Внедрение «расовой культуры» привело к тому, что большинство видных немецких ученых с мировым именем находились или за границей или в тюрьмах и концентрационных лагерях. Многие писатели и журналисты (Эрих Мюллер, Франц Браун, Фриц Зюльцгер, Карл Осекинг и др.) замучены в фашистских застенках или покончили с собой, не будучи в состоянии вынести физических и моральных истязаний. Лучшие произведения мировых авторов, в частности книги по марксизму-ленинизму, сжигаются на кострах.

Все это лишний раз подчеркивает, что фашизм несет трупный запах класса, обреченного на гибель.

И наоборот, советское содружество народов является интернациональным знаменем, которое лучше всего мира поднимает в борьбе против фашистского империализма, варварства и шовинистического чужденечества.

«Во всех союзных республиках СССР достигнуты значительные успехи в деле индустриализации и подъема материально-культурного уровня населения, в создании национальных большевистских кадров, в подъеме всей национальной, социалистической по содержанию, культуры. Особенно велики были темпы материального и культурного подъема у народов советского Востока» (из тезисов доклада тов. В. Молотова).

Историческое значение всех этих успехов громадно. Они подготавливают новую будущность человечества. Социалистические фабрики и заводы, колхозы и совхозы пробивают замкнутый круг так называемой «национальной самобытности». Они

к двум-трем писателям периферии да оказавшей им творческой помощи.

О способностях поэтов Свердловская — Мурзица, Амшоров, Куптуме, Головин и двенадцатилетним Ване Тарасове, о писателях Бажове, Божидне, Панове, Филипповой, Богдановиче и Старикове говорил т. Сталин.

Характеристика творчества ростовских поэтов Софронова, Жава, Грилова и Бапа дал т. Сталин. Он указал, что поэты-песенники Гридов и Софронов сбиваются на штампы, что в их возможностях — писать лучше. Основной недостаток стихов Капа — их эвклидичность. Прекрасное впечатление оставляют многие стихи Оленчико-Гневно. Талантливого мальчика Юре Ожидов угрожает судьба Верднерова. Его заставляли «откалываться» на различные темы и этим самым губят его талант.

Писатель ростовчанин т. Штитильман предался к союзу писателей ряд требований.

«Необходимо союзу», — сказал т. Штитильман, — заняться реальным подсчетом литературных сил. Нужно, чтобы изучение новых людей стало системой. Не следует бояться риска; нужно больше верить в замыслы молодых писателей и оказывать им помощь. Союзу писателей следует периодически приглашать в Москву писателей с периферии для участия в творческих заседаниях.

Выступивший на совещании т. Скоксов поставил перед комиссиями важный вопрос.

«Во многих областях», — сказал т. Скоксов, — живут писатели братских республик. Так, например, в Астрахани живут калмыцкие писатели и оказывая в Челябинской области — марийские. Комиссии должны заинтересоваться творчеством этих писателей и оказывать им творческую помощь.

На совещании выступали также тт. Мышловская, Паленштейгер, Чернышова и Вадецкий.

М. ПРАТ

ТВОРЧЕСКИЕ ПЛАНЫ

Б. ЛЕВИН

Сейчас я работаю вместе с т. Павленко над сценарием о жизни замечательного революционера Я. Сверлова. Сценарий уже почти готов. Пишу еще повесть о людях гражданской войны, ныне участниках строительства социализма.

В. ЛУГОВСКОЙ

Заканчиваю книгу лирических стихотворений. Работаю над поэмой «Конек-Горбунко». Это лирическая поэма о наших современных днях.

Пишу вторую книгу «Жизнь».

С. МАРШАК

Работы у меня сейчас много. Только что закончил большую статью о детском творчестве в нашей стране, о юных поэтах и художниках.

Давно уже пишу повесть своей жизни, повесть эта будет называться «Война трех дворов».

Пишу сказку в стихах «Двенадцать месяцев».

Перевожу любимого мною шотландского поэта Бернса.

Пишу для детского театра новые веселые приключения Петрушки.

Работаю над азбукой в стихах.

А. МАКАРЕНКО

Я продолжаю писать «Книгу для родителей». Вторая часть этого романа посвящена политическому и нравственному воспитанию детей. Я должен закончить эту часть романа к 1 мая: таковы мои обязательства перед редакцией журнала «Красная нива».

В третьей части романа речь будет идти о трудовом воспитании молодежи. Тема четвертой части — эстетическое воспитание молодого человека советской страны.

С. МИХАЛКОВ

Я буду работать над продолжением, вернее, над новыми кусками для «Дяди Степы», с которым я никак не могу расстаться.

Я пишу также новую пьесу для детей — о школьниках.

ЛЕВ НИКУЛИН

В настоящее время вместе с А. А. Фадеевым работаю над сценарием о выдающемся полководце большевике М. В. Фрунзе. Работа эта подходит к концу. Фильм по нашему сценарию будет снят заслуженный деятель искусств С. М. Эйзенштейн. Подготавливаю к печати книгу «Жизнь есть деяние», посвященную встречам с Горьким, Маяковским, Барбюсом.

Я совместно с А. В. Перегудовым в феврале заканчиваю оборонный киносценарий «Преданность». В киносценарии показана жизнь советского корабля и краснорядство в мирной и боевой обстановке. Три лейтенанта: артиллерист Петр Смирнов, минер Остап Григоренко, морской летчик Юсуф Оскарков и две девушки — врач Катя и летчица Юлия — вот главные герои нашего киносценария. Все они — патриоты советской родины, беззаветно защищают социалистическое отечество от нападений врага. В сценарии также показана роль комиссара корабля Зимица.

Пишу дополнительные главы к «Судьбе» — «Героические корабли». В этих главах я хочу рассказать о героической храбрости русских моряков эскадренного миноносца «Громкий», броненосца береговой обороны «Ушakov» и крейсера «Светлана», принимавших участие в цусимском сражении.

Ф. ПАНЕРОВ

Заканчиваю киносценарий «В поисках радости». Фильм по этому сценарию будет ставить Г. Ромаш и В. Строева в киностудии Мосфильм. Кроме того пишу второй киносценарий — «Судьба» о советской молодежи. Продолжаю работать над романом «Волга-матушка река».

А. ПЕРВЕНЦЕВ

Я заканчиваю вторую книгу романа «Над Кубанью». Пишу повесть «Возвращение», которая в основном посвящена С. М. Кирову. В этом году слам сценарий «Казань» — о советском казачестве наших дней.

Б. РОМАШОВ

Работаю сейчас над пьесой для кино о девушке-машинисте. Собираю материал для пьесы о младшем командире Красной Армии.

С. СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ

Работаю над продолжением романа-эпопеи «Севастопольская страда». Скоро приступю к работе над большим романом-эпопеей «Преображение». Будущий роман охватывает мировую войну, гражданскую войну, строительство социализма.

Осчастливленный наградами партии и правительства, чувствую в себе новые силы, вновь принял вдохновения.

ЛЕОНИД СОБОЛЕВ

Весь о награждении советских писателей орденами СССР всталая меня в Ленинграде за работ на последние частями сценария «Рождение командира» — на тему о молодых командирах Военно-Морского Флота Советского Союза. В ближайшие дни я слою сценарий кинофильма.

А. ТВАРДОВСКИЙ

Я пишу сейчас цикл лирических стихов и заканчиваю поэму «Катерина». Над этой поэмой, в которой я стремлюсь достойно воплотить героический образ колхозной женщины, я работаю уже в течение нескольких лет.

МАРИЭТТА ШАГИНИАН

Февральским комсомольцем Шевченко. Задумала три больших исследования — статьи на наиболее разработанные вопросы шевченковедения. Одну из статей уже закончила и слала в «Новый мир».

В марте хочу попытаться сделать несколько переводов с армянского. Весной уезжаю в одно из сел Кубышевской области, где буду писать большой роман о сельской интеллигенции.

В. ШКАРКИН

Работаю над комедией на жизни советских людей. Пьеса предназначается для юбилейной постановки московского Театра сатиры в ноябре — декабре 1939 года.

Совещание областных комиссий в ССП

5 февраля состоялось совещание областных комиссий союза советских писателей.

Открывая совещание, т. А. Караваев отметил, что работа во многих комиссиях только начинается. Еще мало сделано. Но первый опыт свидетельствует о том, что комиссии оправдали себя. Принцип добровольности, полная самостоятельность, выделение на первый план творческих вопросов, наконец, стиль работы, не административный и гасительский, но товарищеский и деловой, — вот что отличает работу комиссий.

«Очень важно», — сказала А. Караваев, — установить нормальные отношения между писателями и местными властями. Издательства предпочитают заниматься перепиской препровожений авторов с известными уже именами, считая, что местных писателей, если они заслужили этого, следует печатать в центре. Бывает такое, что печатают не то, что следовало бы печатать. Только при контакте писательских организаций с властями можно устроить такое зло.

Очень важно создать такую атмосферу на местах, при которой нельзя было бы жить тихо, без критики. Запугательство талантливых писателей в одних случаях и покровительство бездарностям в других тормозят развитие нашей литературы.

С докладом о работе Воронежской комиссии выступил т. А. Карцев.

«За три месяца нашей работы», — говорил т. Карцев, — мы установили творческий контакт с писателями Сергиенко, Подобоевым, Петровым, Далиным, Булавкиным и драматургом Залозинским. Не так давно в Москве происходила чистка и обсуждение пьесы т. Залозинского «Лондрат Булавин». Сейчас к нам приехала Ольга Кротова, автор талантливого очерка «Черномышья край». Этот очерк надо не только печатать массовым изданием. Мы помогли, и очерк сейчас печатается.

Говоря о значении критических статей для писателей периферии, т. Карцев указывает, что никакой снисходительности не

должно быть. Настоящая дружба возникает только в результате честной критики. Тов. Шевлов, приезжавший в Воронеж, резко критиковал местных поэтов. Но в этой резкости товарищи почувствовали любовное отношение к поэзии и внимательное отношение к ним.

Иначе оценили они рецензию т. Котляра о романе Подобоева. Правильно критиковали недостатки романа, т. Котляр, однако, ни слова не сказала о положительных сторонах произведения, которые безусловно в нем имеются.

О значении критики для писателей периферии говорила также О. Кротова. Приехавший из Иркутска молодой писатель В. Дубрава рассказал о своей работе над большим романом о сибирском крестьянстве. Первая книга романа уже написана. По мнению т. Ващенко, роман Дубрава — очень интересный, но еще сырое произведение. Писатель пять лет выдумывал материал над книгой. Роман будет в ближайшее время обсуждаться в Московском клубе писателей.

Член Смоленской комиссии т. А. Дроздов рассказал о творческой работе писателя Смоленска: Аристова, написавшего роман «Смоленск», Кулимова, автора «Марьяна-живопица», — романа, повествование о судьбе преступного художника, Шурьгина и других. Тов. Дроздов обращает внимание на то, что большинство талантливых

Две премьеры

«Марина Стрехова» и «Павел Греков»

«Марина Стрехова» и «Павел Греков» появились на сценах Камерного театра и Театра Революции почти одновременно — две пьесы о современниках, два сценических портрета, выписанных «чисто с натуры». Две пьесы о действительных происшествях, герои которых присутствовали на премьерах и аллоцировали актеры.

Глядя такую пьесу, как «Марина Стрехова», испытываешь прежде всего острый интерес к тому, что принято называть «материалом». Драматург. Хочется расширять авторов пьесы и ее «протоиноп» о том, как все это происходило в действительности, пропустить параллели — «жизнь» и «искусство». Хочется ухватить все подробности замечательного подвига нашей патристки женщины-врача, открывшей противочумную прививку и испытавшей ее на себе...

После весьма наивной экспозиции, цель которой — объяснить терминологию противочумных экспериментов, на сцену выходит Стрехова — Коонен, Лица — ее невидимый друг — на руках — перчатках. Мы насторожились. Нас хотело наугад.

Стрехова — Коонен медленно роится слова. Речь, впрочем, идет о сугубо практических вещах — об Ученом совете, об опытах над животными, об отпуске. Вслед за этим начинается романтическая характеристика героини Стреховой — «микроноса» читает стихи — «Есть утоление в бою...» конечно до слов — «И в аравийском урагане, и в дуновении чумы».

Мы, признаемся, ждали, найдут ли в себе драматург и музеев отказаться от этой цитаты. Нет, не нашли. И нетрудно понять, почему — других средств описать чувства, настроения, силу Стреховой у них нет. Но раз пушкинские слова прозвучали — все остальное, очевидно, будет иллюстрацией к ним...

А Коонен пытается оправдать эту пьесу, она читает ее как-то «между прочим», будто Стрехова думает совсем о другом, будто она не декламирует. Все равно. Шесть пушкинских строк переписали трехактную драму.

Для исчерпывающего, окончательного испытания противочумного препарата Стрехова решила сделать прививку самой себе. Решение это, очевидно, давно — нам предлагают следить лишь за его осуществлением. На чем же строит сюжет своей пьесы П. Жаткин и Г. Вечоры?

Недавно вышла из печати пьеса П. Жаткина «Высокое чувство». Это, повидному, ранний вариант «Марии Стреховой». Здесь героиню тоже зовут Мариной Павловной, но фамилия ее — Покорская. Она тоже испытывает противочумный препарат. Директор микробиологической станции Фролов — весьма приятный, достойный человек, всей душой сочувствует ее опытам. Он только просит сделать прививку ему самому. Муж Покорской — Геннадий Михайлович, побывавший за границей, желая видеть простоту и прямоту характера Марины Павловны, делает себе укол. Он, однако, не послушался ни Фролова, ни мужа, заперлась с ассистенткой в изоляторе и ввела самой себе в кровь чумные бактерии.

На том дело и кончилось. Пьесы при этом не получились, хоть автор, видимо, старался описать все «как в жизни». Здесь нет ни драматической коллизии, ни острого сюжета, ни характеров. Поэтому с помощью Г. Вечоры П. Жаткин переработал «Высокое чувство» и сдал Камерному театру новый вариант.

Откуда взять драматическую коллизию? Фролов из энтузиаста превращается в службиста и бюрократа — он пытается теперь противодействовать мерам административного наказания опыту Стреховой. Его «положительные» реплики передаются новому действующему лицу — профессору Аккуратову, который, впрочем, тоже протестует против «самоубийства» Стреховой. В пьесу вводится целый оиом бюрократов — Ученый совет, «Семейная» драма усугубляется — муж и дочь устраивают Марине Павловне драматическое объяснение, и только партгор Ожежко вслащски приветствует...

Никаких «внутренних» коллизий по-прежнему нет. Авторы не могут допустить, что для Стреховой существует проблема жизни и смерти, мир чувств, радости, тревоги, что зрителю интересно следить не за ширинками и микроскопами, а за тем, как пришла Стрехова к своему решению. Повидному, они не могли размыслить «материала» на эту тему и решили не мудрствовать.

В восьмой сцене, не добившись согласия на то (какое же ей в общем не к чему), Стрехова делает себе укол. Температура резко повышается. Может быть, хоть сейчас мы увидим Стрехову другой? Нет, она и в бреду повторяет все те же несколько слов, которые авторы дали ей на всю роль. Но ведь надо создать атмосферу тревоги — все же, как-никак, речь идет о жизни и смерти человека... Поэтому авторы снова придумывают: «Марина грозная чума теперь идет на нас сама». На этот раз Стрехова сблалась, забыла стихи. Но ассистентка Лииза услужливо подсказывает: «И к нам в окошко...» Она в своей наивности полагает, что женщине, стоящей на пороге смерти, уместно напоминать эти страшные слова.

Вскоре все кончилось благополучно. Стрехова выздоровела. Но Жаткин и Вечора все, что с ней произошло, мало. Может быть, зритель все-таки подумал хотя на минуту, что это много — привить самой себе чуму, рискнуть собственной жизнью. Поэтому авторы дают Стреховой реплику «под занавес»: «Знаете, я доселе не ощущала никакой опасности. Так было все просто, обыкновенно. Давался препарат, и я принимала его. Давался препарат, и я принимала его. Давался препарат, и я принимала его».

В первом ряду партера на премьере сидела П. Покорская — та самая замечательная современница наша, о которой идет речь в этой пьесе. Сначала хотелось распространить ее обо всем поподробнее, а потом стало ясно, что в этом особом смысле нет. Важно не то, что здесь «от жизни», а что — сочинено. Важно, что вся эта пьеса, в которой искренность стала фальшью, а правда — вымыслом, ничего общего с искусством не имеет.

Камерный театр сделал рискованный шаг, ввела в работу «Марину Стрехову». Он поведается, повидному, на Алису Коонен, на Н. Астафова (Аккуратов) и, пожалуй, на остроу ситуацию, которая легла в основу пьесы. Расцвела театра в какой-то степени оправдалась — Коонен привлекает внимание зрителя драматическим своей игрой, Астафов играет Аккуратова просто превосходно — с тонким юмором, озорством, в высшей степени театральное. История доктора Покорского улетает даже в этом скверном полудраматическом изложении.

Однако едва ли этот успех может удовлетворить театр. Мыслим скорее уважаем Коонен, что хоть хвалить ее за эту новую работу, сделанную из обрывков старых ролей. А. Я. Таиров также не нашел — и не мог найти — для себя, как режиссера, большой творческой задачи в этом спектакле. Вопрос о советской пьесе в ре-

САМОКРИТИКА ВНОЛГОЛОСА

Между тем с кадрами в издательстве не все благополучно, а партийный комитет ни разу даже не обсуждал этого вопроса. Партийному комитету, повидному, «всегда» было записано не только кадрами, но и другими серьезными делами. Пропалгандистская работа в издательстве алушена. Партийная организация почти не растет за счет лучших комсомольцев и бесприютного актива.

Все это до последних дней мало тревожило партийный комитет. Кстати, о составе партийного комитета. Создано такое положение, когда из шести работающих членов парткома — тт. Разинов, Заболотов и Серебрянский стали заместителями директора, а четвертый — секретарь парткома т. Туманов — консультантом при директоре. Таким образом, хотя дирекция и партком заседают в разных комнатах, по сути все же те же. Очевидно, именно поэтому парткому весьма трудно видеть недостатки дирекции, критиковать их и бороться с ними.

Так получилось и в деле с т. Пенюковой. Партийный комитет 17 декабря вынес решение просить дирекцию пересмотреть приказ об увольнении т. Пенюковой из издательства, как несправедливый. Постановили — постановили, а в жизнь не провели. Пока члены парткома набравшие мускулы, чтобы протестовать против приказа, одобренного ими же, как заместителями директора, — директор т. Лозовский уехал в отпуск. Отменить приказ стало некому.

Пенюковой предложили подождать еще месяц. Через месяц директор вернулся, и вопрос о Пенюковой был парткомом пересмотрен в присутствии т. Лозовского, но... в отсутствие т. Пенюковой. Причем принято было уже новое решение:

— Просить дирекцию пересмотреть формулировку приказа, как противоречащую советскому законодательству.

— А как же с ее восстановлением на работе? — спросил Туманов на собрании.

— Увольнение мы считаем правильным, — ответили тт. Туманов и Серебрянский. И пояснили: комиссия установила, что Пенюкова работала плохо.

Между тем незадолго до ее увольнения партком и дирекция припали работу т. Пенюковой удовлетворительной, и в этом основании она была переведена на должность заведующей сектором массовой работы. Но если она не справилась с этой работой, то ведь ее можно было перевести на другую?

Чем объяснить, что с возвращением из отпуска т. Лозовского партийный комитет поспешит отказаться от собственного мнения? Нежеланием спориться с директором?

Вопрос о т. Пенюковой парткомизацией Гослитиздата решен неправильно. Честный, преданный работник т. Пенюкова должна быть восстановлена на работе в издательстве; составление работы парткома должно немедленно заперевосовать Куйбышевский райком ВКП(б). И чем скорее, тем лучше, ибо это поможет развернуть в парткомизации Гослитиздата настоящую большевистскую критику и самокритику, невзирая на лица.

И. КРОВОВА, В. КАПУН

Мих. ЛОСКУТОВ

В. ШКЛОВСКИЙ

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ДОСТОИНСТВО

Двадцать пять лет

В гениях у нас состоит не так много то-варичей. Конечно, всегда было так в искусстве: одним удалось выйти в первые шеренги, другим — нет, третьим еще неизвестно, что будет написано на роду. И обидно, и горько, конечно, быть не гением, однако принудить можно, чуха, можно довольно даже сносно жить и хорошо работать.

Нужны не только одни выдающиеся. Другие делают тоже свое полезное дело: одни — маленькое, другие — большое.

В этом — отпечаток величайших моральных, гуманистических изменений, которые принесла Октябрьская революция в отношения между людьми.

Вот писатели. Вот поэты, переводчики, критики, рецензенты, комментаторы, литературные секретари — большая семья, делающая общее культурное дело.

Среди них были и сейчас есть люди чуждые и примавалившиеся. Временами их было больше, временами меньше. Их разоблачали и в печати и устно. В литерату-ре были серьезные и большие прорывы.

Однако некоторые товарищи делали и делают из этого неправильный огульный вывод. Для них звание «писатель» вообще звучит не слышно почетно, и его чуть ли не опасно проносить в граммах. Вот термины, которые наиболее употребительны в бранном лексиконе: пенкоискусствники, халтурщики, ботемщики и просто «снеки».

Необходимо поставить очень значительный принципиальный вопрос: о чести профессии как таковой, о чувства меры и о человеческом достоинстве вообще. Это нужно «поставить», этот вопрос, перед некоторыми товарищами, которые его часто забывают.

Главным образом — перед теми, которые собираясь помочь оздоровлению литературной среды, не могут это делать иначе, нежели в порядке каких-то «походо-в» или облав.

Делается это, например, так. Сотрудник «Вечерней Москвы» Вл. Рудный открывает в группом работников печати № 1. Нужно сказать, что группом этот — комбинация названия. С «литературным профилем», как о нем говорят. Дело в том, что не все писатели, насколько известно, состоят в составе писателей. Многие обиделись лишь по профессиональным признакам в группомках при издательствах. Но и не все состоят в этих группомках. Потому что есть солидная прослойка людей интеллигентных и определенных издательством. Они обиделись в группом № 1. Здесь — интеллигентная журналистика, переводчики, секретари, авторы технических книг и многие писатели. Тут есть и вполне интеллигентные и скромные труженики. Все они имеют право на место под советским солнцем и право на трудовое и профессиональное обидение.

Однако иначе думает Вл. Рудный. Он готов одним своим движением омахнуть всех 214 человек «со счетов истории». Бодрый журналист долго роется во всех делах и анекдотах группомка, разыскивает компрометирующие данные. Репетит извест-ные два дворянина, два сына генерала, некая авиавка для политических инсинуация. Правда, один «дворянин» оказывается автором солиднейших и важнейших технических трудов и препроводил на важнейшей стройке как лучшего ударника, а другой — престарелая женщина. У обоих генеральских сынов отцы честно служили в Красной Армии, один из них умер на посту, и семья его получает персональный пенсик.

Но всех этих обвинений против коллектива оказывается еще недостаточно. В исключительно развязной манере автор статьи омахнет людей оскорблениями, подозрительными намеками и просто пошлостями. Например, один литератор упрекает в том, что в анкете его написано, что он «еще в 1922 году перевел Барбюсса» (отвечил, упрек в неграмотности). Поцудту журналист лягает «таким мастич-ным представителем» высокопаренной ботем», как Алексей Кручинин. Знает ли Рудный, что Барбюсс может писаться через два а, а Кручинин имеет полное право состоять в профсоюз? Соображает ли автор фельетона, что означает «высокопаренная ботема»? И изображает ли он вообще — что пишет?

Хочется надеяться, что — нет. Фельетон признан по стилю. Нелеп по доводам. Но главное, дик по выводам. Произведение Вл. Рудного нарочитостью оскорбительно по отношению к большому коллективу советских граждан.

Фельетон называется «В labore диких» (даже без кавычек). В нем группом литераторов живописуется в виде каково-то притона преступников и проходимцев. Начинается он «литературно-художественным» образом молодого человека, который находится в раздумьи: вернуться ли ему к старой профессии карманника или устроиться тапмейстером в «Метрополитен».

Итак, бедному лягуше еще одну человекскую профессию (тапмейстера), автор угоняивает далее, что для карманников

лучшее место — в группоме писателей. Этому удалено почти половина фельетона. Посмотрим, кто состоит в этом веревке «диких», в этом «стабаре». Вот перечень некоторых имен на литературно-художественной части группомка. В. Кручинин и А. Кипренский — члены ССП, Н. Атаров, Е. Воснянский, В. Матов — молодые литераторы, часто печатающиеся в тожествах и тонких журналах, К. Аваньев — автор биографии Ворошилова, Пархоменко и других книг, Ю. Северук — критик, А. Та-лапов — драматург, автор «Тангоистенного острова» и других пьес детского театра, Игорь Шарро — молодой писатель, комсомолец, И. Горкин — переводчик Г. Рендера, Е. Герасимов — автор книги о Шорсе, и т. д. и т. д.

Здесь — поэт К. Липсеров, критик В. Никонов, литераторы Бор. Оленин, Еф. Дорощ, М. Ершова, В. Дуагац, З. Остро-вский.

Здесь — много и плодотворно работающее во всех журналах фольклористы Н. Комовская, Н. Рождественская, С. Жидина.

Здесь, наконец, — литературные секретари писателей, очеркисты, переводчики, делающие ежедневно полезное дело.

В группоме они занимают большую и активную общественную деятельность. Эта разносторонняя и индигициальная жизнь группомка № 1, находящегося у профессора на отгичном счету, привлекает и многих товарищей, вполне имеющих право состоять в других группомках.

И вот приходит Вл. Рудный и пишет, что «эта группа не нужная и пошлосту вредная организация давно уже стала пристанищем всяких проходимцев, халтурщиков сомнительных...» и т. д. и т. п.

Тут опять начинаются вытеснения. Но вытеснения пугают не всех. Мы призываем первых товарищей к спокойствию. Разберемся по существу.

Площадной брани в фельетоне Вл. Рудного нет. Но зато про одного живого человека сообщается, что у него в руках «старорежимная трость» и «на серо-бур-малиновой озорке» — «офицантский бантик». Почему старорежимная трость? Почему офицантский бантик? Ничего непонятно. Таков стиль фельетона.

Вот автор, ревизия или по злобе, уже перебивается за рамки одного группомка, выходит на площадь, так сказать, общелитературную: «итти к драматургам? Надо иметь протекцию ести не у самой Мельпомены, то по крайней мере у комеданта Дома Герцена». «Небывалый в уголовной практике случай перековки мяского жулика в писателя». Это пошло, низко, и кончатся в этой грязи вовсе не стоило бы.

Но вот двести советских людей обобла-но, оплевано и еще водгонку им пущен ротот.

Люди приходили на общее собрание и со слезами на глазах, с дрожью и возмущением в голоса говорили о годах работы, о незадушенной клевете, рассказывали о безобразных фактах. Ко-е-е в связи с фельетонном началось уже быстрое реагирование: кто-то, где-то не пускают, кто-то подзаревает, о кем-то не здороваются: постыдная война людей, ополчающихся блгательство. Работы некоторых товарищей печатаются, но без указания авторства, — «до выяснения». Единственно возмущенно выступили на собрании как «затронутые», так и «незатронутые». Так же единодушно собрание постановило: просить ЦК союза произвести обследование состава и работы группомка. И привлечь автора к судебной ответственности за клевету на коллектив.

Один из оклеветанных ходил в редакцию «Вечерней Москвы» и там будто бы заявил ему, что, во-первых, — «да, все двести — проходимцы», и, во-вторых, «сужно разогнать все группомки». Мы этому не верим. Этот «поход» был бы, мягко выражаясь, не к месту и довольно позорительным по методам. Во всяком случае здесь фактически сторона дела нам неизвестна.

Но зато совершенно ясно одно: Существует организация, в которой, помимо чуждых и сомнительных людей (о тех-ких, перемонистых нечего), несомненно есть также много талантливых, полезных и хороших людей. Мы не считаем, что всех их нужно разогнать. Очевидно в редакции «Вечерней Москвы» что-то делудит, что-то упустили. Пронизана, обидя-таки выражаясь мягко, какая-то невнятная, употребляя же точную политическую терминологию, — провозмещ совершенно без-прецедентный случай махавского, хулиганского отношения к целому отряду советской интеллигенции. Однако советские законы защищают труд, право и человеческое достоинство каждого труженика. Редакция «Вечерней Москвы» и Вл. Рудный пытаются пожать лапы на каких-то сомнительных «разоблачителях» походах, вселяя в людей облобление и раздражение. Это очень дурно пахнет. По меньшей мере это просто неумно. Мальбрука нужно во-время остановить.

Мы умели говорить друг другу правду и интересоваться не только своей книгой, но и чужой.

В то время работал я в газете «Жизнь искусства», печатался в «Искусстве коммуны». Это были запятанные, большие, молодые голы. Мы называли тогда Алексея Макаровича стариком, а ему было 46 лет, молодой 46 лет. Он писал тогда книгу о Толстом.

Тогда я написал пьесу о Парижской Коммуне. Ее хвалил Блок, Александр Блок говорил мне, что он в первый раз слышит, слыша меня, как об искусстве говорят правду, или говорят правильно — и уже не помню — и одновременно говорить, что поэту знать то, что я говорю, — вредно.

Это потому, что моя правда была не-полная правда, выходящая за пределы правды.

В 1923 году я оказался за границей. Печатался в «Весте», издал книжку «Сантиментальное путешествие» и «Письма не о любви». Я очень люблю книгу «Письма не о любви, или Пою».

В 1924 году я вернулся в СССР, издал «Теорию прозы», принял к ЛФ. Оповозоны стали теоретиками ЛФ. Здесь я работал с умным и мало пишущим Осипом Бриксом, исследователем ритмики стиха. Здесь Борис Михайлович Эйхенгауз, Тьяновин, Борис Казанский и я напечатал свои статьи о языке Ленина. Кое-что из этих статей интересно и сейчас.

Кинематография тогда только начиналась. У меня про кино был целый ряд статей и даже книжки «Кино литературы» и книга о Чаплине. Я думал, что кино — это монжале аттракционов, что сюжет имеет минимальное значение.

С этими мыслями я вошел в советскую кинематографию, а работал в ней плане. Теоретически я должен был отрицать актера, практически я боролся за советского актера и защищал в своих статьях его значение.

Теоретические установки тянули меня на своеобразный язык дероглов, который являлся в свое время влиянием на одну только советскую кинематографию. Одновременно я сделал одну из первых со-

ветских бытовых вещей «Третья Мещанская». Кинематография меня учил Лев Куленов, вместе с которым я писал сценарий «По закону».

Кино ввело меня в советские хозяйственные заботы. Они так переплелись с моей личной жизнью, что появилась книга «Третья фабрика». Фабрика эта и сейчас стоит около Киевского вокзала. Фабрика маленькая, мы ее очень любили.

Работал в кино много, написал несколько десятков помешных и не помешных сценариев и принимал творческое участие, вероятно, в очень многих советских сценариях.

Работал в Грузии, был очень близво связан с рождающимся грузинским кинематографом. С Михаилом Чапурице, которого все знают, и с автором комедии «До скорого свидания» Макарычем, сейчас большим, с Макарычем, которого недооценивают.

Писал я в это время книгу «Материал и стиль «Войны и мира» Толстого», о которой тоже надо было написать отдельно, сделал веселую книгу «Гамбургский счет».

НИКОЛАЙ УЛАГАШЕВ

ОЗДОРОВИТЬ РАБОТУ ДЕТИЗДАТА

ПЕРВЫЕ КНИГИ

От нашего ленинградского корреспондента

Семьдесят восемь лет назад на горном Алтае, в березняковой юрте, на голом земляном полу жена кочевника Улагаша родила мальчика. Мать намазала ребенка конским салом, завернула в шкуру кабарги и положила в березняковую лодку. С раннего детства мальчик Николай Улагашев удивлял всех своей памятью и искусным пером. В шестнадцать лет он ослеп.

Жена моя, — рассказывает Николай Улагашев, — была азиатским другом: брала с собой и на охоту и кедровый орех. Там я многих людей встречал, от них песни, сказки слышал. Все это в памяти осталось.

По старинным алтайским поверьям, от хорошей сказки сматывается камень сердца духа гор, и он посылает котихином богатую добычу.

Зимней ночью, в лесу, у костра, голодом, густым и вязким, как жужженье шмеля, слепой Улагашев пел:

«...Алым-Манаш крикнул, как это богатый брячат.

Коль топнул, как сто громов гремит. Снега, погнавшая на ребеце, не успела упасть. Алым-Манаша уже не видно.

Когда Алым-Манаш смотрел на восход солнца, оказывается, уже в закате поехал. Когда замечал таящую утреннюю лужу, оказывается, уже пригнулся к огненной восходящей. Бонь переступал по дороге, и черные озера запылали след его копья. Низкие горы мягко отбрасывали вью. Высоким горам на грубу наступала, лето бежало. Вот уже виден дым со стобойши Ах-Каэна. На четыре копыта разом стал конь. С места не шлет, будто ноги пустили в землю пенные корни...»

В густые Алым-Манаш был всегда свиреп. Он поводом рот коня до ушей разорвал. Он нагайкой круп коня рассек до кости. Как вихрь, вонзился бело-серый конь. Он в гору, под гору, как птица, летел, по долине, как вода бежал.

В молодости Николай Улагашев мог семь вояч подряд петь.

Летом 1937 года, когда мы записывали алтайский фольклор, нам посчастливилось встретить на вершине Сары-Кокша этого замечательного сказителя. Он сидел под большим кедром и был сбито для колхозных лошадей — работа, которую на Алтае выполняют слепые.

Много дней пел он нам под аккомпанемент топшур старинные обрядовые «сай» (героический эпос); рассказал много сказок и легенд.

Все произведения, записанные от Улагашева, поражают богатством и красотой поэтических образов, чистотой композиции, исключительной яркостью языка.

Сказки Улагашева оогреты подлинным лиризмом:

«Танашан выгнали из-за полая острый нож, белую гуся он хочет убить. Но подлая рука не успела упасть. Белая гуся встала белой красавицей. Волосы у нее, как вечернее небо, желто-бронзовые.

У Танашага колени полуголыми. Он сел на землю. Веки часто-часто заморгали.

— Я всевышнего Кургустана младшая дочь, — сказала девушка. — С третьего дня к вашему костру я пришла. У меня с вами один огонь зажжен, одна постель поставлена. Обратно на небо мне вернуться теперь никак нельзя.

Старик Танашан поцеловал желто-бронзовую косу, тронул своей золотой шкель правую руку красавицы. Темным лбом к ее колену припал.

Николай Улагашев отличается не только богатой памятью и высоким мастерством исполнителя, но также и очень большим разнообразием репертуара.

С подлинно героическим пафосом рассказывает он о подвигах богатырей. Чудесно умеет расписать фантастическую сказку. Властито владеет мастерством гротеска:

«...Ты! выпивший, червивый Рысту, сейчас убою тебя, — крикнул хан.

Рысту поднял вверх правую руку. Его дулоподобное лицо задело:

— «Тя-тажлан!» — сказал он волшебно слово. И дети хана: кувырк! покатились в разные стороны.

— Ну, теперь убейте меня! Вы хотели.

Хан дрожал, как мышь, зажатая в ладу. Ханына стояла, как большая лягушка.

Творчество народного сказителя получило высокую оценку партии и правительства. Указом Президиума Верховного Совета СССР Николай Улагашев награжден орденом «Знак Почета».

АННА ГАРФ ПАВЕЛ КУЧИЯК

МУЗЕЙ А. М. ГОРЬКОГО В ТБИЛИСИ

ТБИЛИСИ. (Наш корр.) Улица Клары Цеткин (бывшая Елизаветинская), дом 14б. Две небольшие смежные комнаты. Здесь в 1929 году у своего знакомого, сельского Калужского, жил и работал Алексей Максимович Горький. Здесь он написал свой первый рассказ «Макар Чудра».

Президиум Тбилисского совета постановил организовать в этих комнатах музей А. М. Горького. Одна комната будет установлена в том виде, в каком она находилась при жизни Горького. В другой будет собран весь материал, относящийся к периоду пребывания А. М. Горького в Тбилиси.

«РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР»

Вышла в свет книга проф. Ю. М. Соловьева «Русский фольклор», предназначенная для студентов и преподавателей вузов. Давая обзор русской и мировой фольклористики, книга освещает все жанры доктарского и советского фольклора, в том числе и поэтическое творчество фабрик и заводов.

Книга издана Училищным на прекрасной бумаге, с хорошими иллюстрациями.

Литературная газета

6 № 8

На страницах «Литературной газеты» в последние месяцы много писалось о вопиющих безобразиях, творившихся в издательстве детской литературы. События, происходившие в Детиздате, возмущали всех писателей и работников литературы. «Не везет этому издательству», — говорили некоторые товарищи, — на должность его директора один за другим попадают замаскированные враги народа». Может быть, это случайно? Нет, не случайно.

Враги народа прекрасно понимали значение Детиздата ЦК ВЛКСМ в деле коммунистического воспитания юного поколения и в развитии советской детской литературы. Поэтому они всеми силами старались развалить этот важнейший участок нашей социалистической культуры. И, надо сказать, что, пользуясь нашим ротоизданием, враги навредили немало.

Комиссия по проверке работы Детиздата выяснила, что расходы и убытки этого издательства доходят до трех миллионов рублей; разбазарены сотни тонн бумаги.

Как же случилось, что враги среди себя два, на глазах у честных советских граждан творили свои гнусные дела и долгое время оставались незамеченными?

Комиссия заинтересовалась в первую очередь этим вопросом.

Выяснилось, что в издательской работе в Детиздате, прежде всего, способствовала вся обстановка и система работы издательства. Это — обстановка полной беспечности и безответственности.

В издательстве никто не знает, как работает тот или иной редактор: сколько он прочел рукописей, какие именно рукописи он читал, сколько из них (и почему) одобрил, сколько (и почему) забраковал, какие отредактировал книги и, самое главное, хорошо ли отредактировал. Может быть, он испортил рукопись, и издательство выпустило ее в искаженном виде? Ни один редакторский работник издательства конкретной работой редакторов не интересовался.

Та же беспечность и безответственность царил в финансовых, хозяйственных делах издательства и на фабрике детской книги. В результате количество брака доходило до невероятных размеров, простые машины достигали 20 — 50 процентов, ценные, актуальные книги годами не выходили из производства и т. д. Но ни один из виновников этих вопиющих преступлений ни разу не был обнаружен и наказан.

В обстановке хаоса и неразберихи враги и преступники долгое время оставались в тени.

Огромные суммы вышвыльвались околоточным людям, принимали заведомо непригодные рукописи. В конце года рукописи так называемой инвентаризационной комиссии издательства списывались в брак, а вымаленные деньги — в убыток.

На 1 января 1938 г. в Детиздате списано в брак рукописей на 1 млн. 313 тыс. рублей. В настоящее время в редакционных портфелях издательства лежат 292 рукописи, за которые издательство уже выплатило 1 млн. 203 тыс. рублей. Однако большая часть этих рукописей совершенно не пригодна к печати и будет списана в брак. Кроме этого Детиздат рождает в виде аванса 1 млн. 068 тыс. рублей. В Детиздате авансировалась даже группа лиц, не имеющих никакого отношения к детской литературе. Большинство из них впоследствии были разоблачены как враги народа.

Система беспечности, хаос и неразбериха были созданы врагами народа для того, чтобы легко и незаметно расхищать деньги. А честному человеку для того, чтобы получить свои заработанные деньги, нужно было много обивать пороги бухгалтерии издательства и неоднократно слышать ответ: «В кассе нет денег, приходите завтра».

А в это же время сотни тысяч рублей государственных средств получали литературные и подлитературные авантюристы и проходимцы.

Враги пытались вести разлагающую

работу среди писателей, используя для этого недостаток бумаги. Десятки хороших книг вырывались из планов под предлогом отсутствия бумаги. А на самом деле враги и преступники умышленно разбазаривали бумажный запас издательства. Для этого они в первую очередь уничтожали всякий контроль над расходом бумаги.

Работники Детиздата в течение целого месяца не могли представить комиссии точных данных о том, сколько получено бумаги, сколько израсходовано и сколько бумаги осталось. Наконец, выяснилось, что 650 тонн бумаги израсходовано неапросто так и на что.

Комиссия ЦК ВЛКСМ помогла коллективу издательства раскрыть эти безобразия и разоблачить преступную систему работы издательства, которая была хитро продумана врагами.

Задача нового руководства издательства заключается в том, чтобы сплотить вокруг детской литературы лучших наших писателей и лучшие силы всей советской интеллигенции. Бюро ЦК ВЛКСМ постановило организовать при Детиздате редакционный совет из крупных писателей, педагогов, ученых и лучших работников. Этот совет должен руководить творческой работой авторов и способствовать созданию прекрасных детских книг.

Необходимо расчистить ряды редакторов Детиздата. Нужно решительно освободиться от некомпетентных, равнодушных и неискренних людей, которых насаждали там враги народа, старавшиеся тормозить работу писателя. Детиздату нужны подлинно большие редакторы, которые являлись бы опорой и помощниками писателя в его трудной творческой работе, его умными советчиками, людьми, ценящие указания которых писатель охотно бы выслушивал, с которыми он бы делился своими новыми замыслами, и т. д.

Нигде в мире нет такого огромного спроса на детскую книгу, как у нас. Небывалый спрос на детскую книгу в СССР определяется условиями нашей жизни, условиями побед социализма в нашей стране.

Никогда в истории перед детской литературой не стояли столь высокие и почетные задачи, как перед детской литературой СССР. Это — задачи воспитания бойца за мировой коммунизм, за счастье народов всего мира. Поэтому лучшие писатели детской литературы являются знатными людьми нашей страны, любимыми великого советского народа, и не случайно они получили высокие награды — ордена Союза ССР.

Жизнь нашей прекрасной страны дает обильное разнообразие и красочное материал для изображения в детских книгах. Это — подвиги нашего революционного народа и его героев, это — фантастические подвиги наших летчиков и летчиц, экспедиции советских ученых в скалозные края нашей страны, это — доблесть и героизм советских граждан в борьбе за коммунизм.

Издательство детской литературы, несмотря на все проделки врагов народа, вышло в мощную организацию. Денежный оборот Детиздата в настоящее время доходит до 70 миллионов рублей. Помимо этого Детиздат имеет собственную мощную типографию, оборудованную дорожными машинами. В Детиздате работают десятки лучших художников нашей страны. Бумагу Детиздат получает всегда в первую очередь. Лучшие писатели страны полны искренним желанием помочь Детиздату в его трудной и сложной работе.

В Детиздате есть хорошие, честные люди, преданные делу советской детской литературы, которые, несмотря на вредительский враг, сумели дать нашей детворе не один десяток хороших книг. В настоящее время руководители партийные и комсомольские организации со всей тщательностью подбирают квалифицированные кадры для помощи на работу в Детиздат.

Все это является залогом подлинного расцвета нашей детской литературы.

А. ПЕТРОСЯН

В издании Детиздата выходят иллюстрированные произведения Салтыкова-Щедрина в трех томах с иллюстрациями Курьянских. Слева рисунок к «Иудушке Головлеву», справа рисунок к главе «Воспитание нравственное» из «Похохонской старини».

К юбилею Шолом-Алейхема

На днях состоялось совещание представителей печати, посвященное 80-летию со дня рождения Шолом-Алейхема.

От имени юбилейного комитета при ЦСП совещание открыл Д. Бергelson, указав, что чествование памяти классика еврейской литературы будет носить в нашей стране всенародный характер. Особенно широко развернулась подготовка к юбилею в УССР и БССР. На Украине в целом ряде областей организованы юбилейные комитеты, в которые входят представители партийных, советских и общественных организаций.

Секретарь юбилейного комитета Г. Гурштейн сообщает, что на днях в фондах Публичной библиотеки им. Ленина обнаружены неизвестные до сих пор письма Шолом-Алейхема к Льву Толстому и Чехову. Эти письма, представляющие большой интерес, будут опубликованы в печати в юбилейные дни. Интересные материалы для опубликования в печати имеет секция еврейской литературы мировой литературы им. Горького. Статьи для печати о Шолом-Алейхеме готовит сейчас критика и публицисты. Многие журналы дают в ближайших номерах рассказы Шолом-Алейхема в новых переводах. Писатели и критики привлекаются также к выступлению на собраниях и вечерах с докладами о жизни и творчестве Шолом-Алейхема.

Выступившие затем гг. Финк, Зелинский, Ступинкер, Ойслендер, Симовский, Вельман, Арлов, Плавник, Юдицкий, Мышковская и другие подчеркнули, что интерес печати, как и всех трудящихся нашей страны, к этому важнейшему юбилею — огромный. Сейчас же необходимо снарядить наши периодические журналы и газеты соответствующими материалами. В прениях также было отмечено, что юбилейный комитет должен принять активные меры в том, чтобы популяризировать юбилейную дату не только в РСФСР, УССР и БССР, но и в других братских республиках — Грузии, Армении, Таджикистане и других.

По решению президиума ЦСП 19 февраля в Москве состоится пленарное заседание юбилейного комитета по празднованию 80-летия со дня рождения Шолом-Алейхема.

Президиум ЦСП постановил расширить состав юбилейного комитета и ввел в комитет дополнительно следующих товарищей: засл. арт. УССР Вовгу, депутата Верховного Совета СССР Гольдматера, засл. арт. УССР Кальмановича, Э. Лойтера, Нистора, Ойслендера, Э. деятеля искусства Исаака Рабновича, засл. арт. БССР Сокола и М. В. Храпченко.

БЮРО СЕКЦИИ КРИТИКОВ И ТЕАТРОВЕДОВ

При Всероссийском театральном обществе избрано новое бюро секции критиков и театроведов. В его состав вошли И. Л. Альшан, М. С. Гус, Ф. Ф. Залеский, Ю. Ф. Каланшиков, А. П. Мадкин, Д. Л. Тальников и И. Н. Юзовский. Кандидатами в члены бюро секции выданы А. С. Гурвич и М. Ю. Левядов.

НОВЫЕ ДЕТСКИЕ КНИГИ

ТБИЛИСИ. (Наш корр.) В издании Детиздата Грузии вышло на грузинском языке «Обработанные А. Микаберидзе для школьников мифы о героях древности (Прометей, Персей, Тантал, царь Эдип, Икар и Дедал, миф об аргонавтах и др.).

ДНЕВНИКИ И ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ А. БЛОКА

Ленинградское отделение издательства «Советский писатель» выпускает XII том «Собрания сочинений» Александра Блока. В этом томе помещены дневники поэта за 1901—02 г. (июньский дневник) и записные книжки за 1901—1910 гг. Всего у Блока с 1901 по 1921 г. было 62 записных книжек, часть из них была потом уничтожена целиком, а из некоторых вырваны отдельные страницы и отдельные записи. Сохранились таким образом и дошло до нас 47 записных книжек. В XIII томе помещено 23 записных книжек. Остальные записные книжки и дневники составляют следующий, XIV том.

ВЕЧЕР ПАМЯТИ ЛУКАНА

12 февраля в клубе писателей состоится очередной декаданс писателей-переводчиков, посвященный памяти римского поэта-реpublicанка Марка Аннея Лукана в связи с 1900-летием со дня его рождения.

Вступительное слово — Б. А. Грифова. С сообщением о поэме Лукана и принятии перевода «Фарсалии» выступит Л. Е. Остроумов. Отрывки из поэмы «Фарсалии» в переводе Льва Остроумова прочтет заслуженный деятель искусств орденосец Л. А. Фелин.

Книжная хроника

Ленинградским отделением Гослитиздата издан сборник избранных статей крупнейшего русского литературоведа и лингвиста А. Н. Веселовского. Литературное наследство А. Н. Веселовского до сих пор не издавалось в собранном виде. Предпринято до революции Академией наук собрание сочинений ученого должно было включать 26 томов, но оно осталось незавершенным.

Сборник, изданный Гослитиздатом, составлен к 100-летию со дня рождения А. Н. Веселовского. Он включает важнейшие его историко-литературные статьи о Данте, Петрарке, Джордано Бруно, Рабле и др.

Ленгослитиздатом издан последний роман известного антифашистского писателя Оскара Марии Графа «Антон Зитингер». Роман выпущен в авторизованном переводе Изабеллы Гринберг и вступительной статьей А. Амстердам.

НАРОДНЫЙ ПОЭТ ТУРКМЕНИИ

Моя советская страна сильна, Из байских ланц вырвана она.

Затем, что людям не нужна война, Готовьтесь к жизни боевой, друзья.

Дурды Клыч, шагир.

Слепой поэт идет по улицам города. На плечи его накинута дорогая крылатая халат, в руках самшитовая трость. Ослеп, без провиденья, он ходит быстрее и легче, чем зрячие. Озабоченный, беспокойный, он всегда чем-нибудь занят. Старый поэт — враг покоя, он не может ни минуты сидеть, ничего не делая.

Далеко от больших городов, в Хорезме, расположенном по нижнему течению Аму-Дарьи, лежит аул Ходжа-Кумет, здесь живет Дурды Клыч, шагир.

Дурды Клыч родился в 1886 году. Будучи по происхождению, он много работал по найму и в своем небольшом леханском хозяйстве. Еще в раннем возрасте от знакомых классической поэзии он выучил наизусть несколько тысяч строк Молла-Ненеса, Бор-Молла и других старых туркменских шагиров. Сمولодо он был только сказителем: выступал на больших тоях, свадьбах и народных гуляньях — он читал или пел декхаман звучные песни классических поэтов. Еще залогом до Великого Октября молодой Дурды Клыч начал слать свои стихи. Как сказителю, ему приходилось много ходить по Туркмени: поэт бывал в Ашхабаде и Бахардене, он наблюдал жизнь пригоспийских воюзов; неоднократно гостил у техников Мары; заглядывал в арсары, живущим в верхнем течении Аму-Дарьи, в сарыкам Молотани и в сарыкам Сархаса. Как никто другой, он знает Туркмению. И тогда, в иранскую пору полицейского гнета и экономической отсталости, он в своих произведениях говорил о тяжелой жизни туркменского народа.

Многие произведения Дурды Клыча пропущены подлинным народным воюзом. Все его старые стихи, в том числе и такие

популярные в народе, как «Читирь», «Ишакли», «Чатма», «Палад» и «Шуба», смешали тех, кто любил слушать веселые стихи, и были полны грусти и горькой иронии для тех, кто задумывался над этим воюзом.

«Читирь» — песня, написанная в 1916 году. Поэт рассказывает в ней, как трудится батрак, поливая байскую землю. Читирь — это допотопное, примитивное сооружение — конная или просто ручная воловчатка, установленная на арке. Читирь ужасен: работа на нем — сущий ад, колоты допаются, упряжь рвется, верблюды и ослы дохнут, не выдерживая тяжелой жары и изнурительного труда. Но батрак, человек, работающий на читире, один он должен выдержать все испытания. Он знает, что на прохладной веране своего дома хозяин — бай — пьет чай и благоденствует, а он, байский раб, несмотря на зной, мучится с читирем. Батрак голоден, бос, изнурен работой. В конце концов он ложится на песок, проливает жизнь и читирь и создателя читира, пусть это будет бай или даже сам бог. Вот вкратце сюжет одного из очень популярных в Туркмении произведений Дурды Клыча.

Стихотворение «Чатма», выходящее по своей поэтической полноте и красоте произведению, рассказывает о том, как жил поэт (как жилось тысячам воюзов) в хижине, построенной из ветвей саксаула и из травы. Ветви шалаша (чатмы) рвут одежду его обитателя; осенью дождь проликает сквозь травяную крышу; в чатме темно, холодно, страшно. Чатму каждую минуту может опрокинуть ветер, и тогда она похоронит под собой бедняка, живущего в ней.

С грустью, полной иронии, поэт описывает жилище бедняка — доревольционного туркменского декхамана. Он говорит:

— Кто может друга сделать нам врагом?

— Чатма. — А с кем напачается тайком?

— С чатмой. — А кто в глаза пылит песком?

Испепелившая нам грудь чатма, Чуть ветер, дом мой ходит взад-вперед, А удержи — одежду оборвет, Покорно сядь — податься не даст, Парашавет поллая чатма.

Она заставит хмуриться всегда И вылетит слезы из очей: — Беда! Куда полует ветер, вот туда И валется в колодобыни чатма.

Очень много песен, разработанных народно-бытовые сюжеты, было сложено Дурды Клычем. К сожалению, не все они дошли до нас, большая часть осталась незаписанной. Кроме этих крестьянских песен, в старой поэзии Дурды Клыча имеется большой паял и любовной лирики. Среди его лирических достояний (песен) также немало интересных и своеобразных. Но художественную ценность составляют любовные стихи Дурды Клыча, особенно Молла Ненесу, туркменскому поэту XIX столетия.

С первых же дней Октября поэт вместе с декхаманом словом и делом борется с врагами советской власти. В Хорезме в первые годы революции орудовала кулакская банда басмача Джунуид-хана. Враг трудящихся Джунуид, убивший двух родных братьев Дурды Клыча, во что бы то ни стало решил залучить поэта к себе на службу. В один из вылетов на Ходжа-Кумет басмачи захватили поэта и связанного привезли к Джунуиду. Бандиты пытались заставить его быть сказителем, разделять хана и сочинять песни против советской власти. Дурды Клыч молчал, его мучили, но он не изменил народу и остался по-прежнему трудящимся. Его не соблазнили богатые дары, которые ему сулили басмачи, и мужественно перенес все испытания. Проведя в плену у Джунуидов пятьдесят два дня, темной ночью, босой, полураздетый поэт бежал из лагеря бандитов. Чтобы не быть ввояв захваченным басмачами, Дурды Клыч покинул Хорезм.

Было время гражданской войны, девятнадцатый год. В стране шла борьба с остатками контрреволюции. В Туркмении

организовались национальные части Красной Армии, и старый слепой поэт поступил добровольцем в один из красноармейских полков. Вместе с конницей туркменского кавалюка он побывал в Ташкенте, во Фрунзе, ездил по степям Казахстана. Он был полковым поэтом, сказителем и агитатором. Бойцы полюбили старого шагира, его бойкая песня не покидала красноармейцев до конца гражданских боев.

С большим творческим подъемом поэт продолжает работать в настоящее время. Враги народа, возглавлявшие до прошлого года некоторые культурные организации Ашхабада, пытались всячески опорочить боевые, жизнедеятельные стихи Дурды Клыча, написанные уже в советский период. Вместо того, чтобы приблизить к читателю, собрать и напечатать все лучшие стихи поэта (а таких стихов и песен много), буржуазные националисты держали их под замком. Только в последнее время собрано и приведено в надлежащий вид большинство произведений Дурды Клыча. В ближайшие времена в Туркменском госиздате выйдет книга его стихов на туркменском языке. Некоторые из них, в том числе «Читирь» и «Чатма», переведены на русский язык.

Из стихотворений последнего времени следует отметить прекрасное обращение народного шагира к молодым диспропорционам («Товарищ»), строя из которого служат вприглафом к нашему очерку. На протяжении всей своей поэтической работы в каждом произведении — призрачный песте о советском ауле или нежном обращении к женщине, боевом красноармейском стихе или простой песне из жизни воюзов — всегда Дурды Клыч был понятен народу. И это потому, что Дурды Клыч — подлинный народный поэт.

Летом текущего года правительство Туркменской ССР присвоило Дурды Клычу звание народного поэта Туркменистана. Президиум Верховного Совета СССР высоко оценил творчество поэта, наградив его орденом «Знак Почета».

А. АБОРСКИЙ

Ю. ИС.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Разрешите мне при содействии вашей газеты принести мою горячую благодарность всем учреждениям, организациям и лицам, приславшим мне поздравления по случаю избрания меня в действительные члены Академии наук СССР и награждения меня орденом.

АЛЕНСЕЙ ТОЛСТОЙ

Разрешите через вашу уважаемую газету выразить мою глубочайшую благодарность всем тем литературным, организационным, театральным, учреждениям республиканского великого Союза, писателям, артистам, художникам, всем тем, кто так тепло отозвался в день моего 45-летнего юбилея писательской и общественной деятельности.

ШАЛВА ДАДАНИИ

ПОПРАВКА

В отчете о заседании президиума ЦСП (в номере от 5 февраля) среди товарищей, которым поучено руководить национальными комиссиями, пропущена фамилия т. Скореева.

В этом же номере допущена ошибка при печатании портретов Ата Салха и М. Крюковой. Редакция печатает ввошь портреты гг. Ата Салха и Крюковой и следующим номере на 4-й странице.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В. СТАВСКИЙ, Е. ПЕТРОВ, В. ЛЕБЕДЕВ, КУМАЧ, Н. ПОГОДИН, С. ВОИТНИКОВ.